
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

**ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ
ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР
ГОРБАЧЕВА М. С.**

(Глава из повести)

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори». Наш постоянный автор.

VIII

Первое, что увидел Рогов, распахнув дверь в заводское общежитие,— строгое лицо восседающей за столом объемистой старухи в платке и пальто. Ни нелепость столь теплого наряда в августе, ни то, что старомодная одежда заношена до ветхости, не мешало вахтерше выглядеть просто-таки царственно: надменно и на всякий случай сурово. Казалось, что посетителя встречает не живой человек, а портрет, гравюра, по гордой осанке и выражению лица годная для украшения денежных купюр Екатерининской эпохи. Собственно, это и было не лицо. Это была вывеска учреждения.

Пожилая женщина выглядела настолько величественно, что Рогов даже оробел, подходя к ее скрипучему трону. Он опасался, что присущий ему панибратский демократизм нарушит установившийся здесь придворный этикет. Возможно, приближаться к матроне надлежало, отвешивая определенное количество поклонов; может быть, следовало бы нести перед собой на вытянутых руках приличествующие ее статусу дары; у Рогова же в запасе имелись лишь слова приветия от их общей знакомой, феи чистоты из храма просвещения для юношества, желающего постичь премудрости ремесленного искусства. Впрочем, услышав этот пароль, привратница милостиво кивнула, хотя и не проронила ни слова...

Где лежат истоки величавости вахтерш, швейцаров, дворников, милиционеров — науке пока не известно. Вполне объяснимо, отчего среди них встречаются суетливые, нервные, хитроватые людишки. А вот на чем зиждется осознание ими своей значительности?.. Может быть, это осознание приходит к тем, кто серьезно относится к профессии? Может быть, существуют субъекты, способные перед началом дежурства, перед тем, как заступить на пост, перед тем, как открыть дверь караульного по-

мещения, произнести про себя: «Итак, приступаю к исполнению должностных обязанностей» и отрешиться от всего постороннего? Может быть, произнося подобное заклинание, с головой погружаясь в служебные дела, некоторые научились отделять в себе профессионала от обывателя? Вдруг они, как ни нелепо, как ни смешно это прозвучит для разгильдяев, составляющих большинство нашего населения, на самом деле, высоко понимают свой долг?.. Или профессиональные охранители преисполнены важности потому, что окружающие часто доверяют им свои маленькие бытовые тайны?.. Или в глубине души эти люди стесняются выбранной стези, стыдятся опостылевшей должности, а маска надменности защищает их ранимые души от нашей бесцеремонности?..

Так или иначе, но если бы кто видел, как царственно кивнула баба Дуся в ответ на слова Рогова, не усомнился бы, что в жилах ее течет аристократическая кровь. И словно лакею, присланному к ней от другой аристократки (малость шизанутой уборщицы из ПТУ), мановением руки приказала она прищельцу замолчать, когда на столе ее зазвонил телефон... Лишь завершив разговор и положив трубку на рычажки, Дуся вновь воззрилась на Рогова, опять молча, только глазами повелевая ему продолжать.

Когда же стало понятно, кого разыскивает посетитель, Дуська удивилась и даже несколько обеспокоилась. Впрочем, догадаться об этом смог бы лишь очень внимательный наблюдатель, заметив, как сторожиха заерзала на своем троне... Нет, не то чтобы заерзала, а два-три раза совершила колебательные движения внушительным тазом, что несколько нарушало старательно, годами выстраивавшуюся монументальность скульптурной композиции под названием «Баба Дуся на посту». Легкое волнение вахтерши было вызвано тем, что вот уже второй день Володиной настойчиво интересовались самые разные люди, а некоторые прямо сейчас находились в ее комнате. Непонятная, подозрительная суета вокруг Машки дезориентировала, и Дуся теряла уверенность в том, что заняла правильную позицию по отношению к разгульной девке. Похоже, столь ярко и зримо начертанные в мечтах планы мстительного торжества рассыпались в прах ввиду каких-то загадочных обстоятельств. Однако, не желая показать постороннему свое замешательство, дежурная еще строже поджала губки и смерила гостя недоверчивым взглядом.

Рогов с каждой минутой все более смущался. Теперь ему казалось, что вахтерша подозревает его в чем-то нехорошем, возможно, в тайном сожительстве с Марией... как ее? Васиной? Васильевой? Володиной! От волнения он не сразу вспомнил фамилию женщины, которой пришел сделать предложение о замужестве. Напряжение немного спало, когда старуха, до этой минуты проявлявшая себя лишь мимикой, жестами и телодвижениями, наконец, перешла к вербальному общению с просителем:

— Володину-то? Машку-то? Знаю я ее, как же, — и баба Дуся назвала номер Володинской комнаты и этаж.

— Ну, так я пройду... На минуточку, — пробормотал Рогов, бочком обходя стол дежурной.

Он старался как можно скорее, насколько только позволяли его короткие ножки, прошмыгнуть внутрь, и главный вопрос Дусинеи застал его уже пред лестницей:

— А вы по какому вопросу?

— По личному! — сдавленно выкрикнул Рогов и юркнул в сумрак ступенчатых пролетов.

Поднявшись на четвертый этаж, он нашел нужную дверь, постучал и, не дожидаясь ответа, шагнул через порог.

Сразу за порогом Рогов неожиданно запутался в каких-то ситцевых полотнищах, едва не ударился об огромный шкаф, повернутый к посетителю двэпэшной рубчатосетчатой неприветливой своей стороной — так жильцы отгородили крошечную часть

помещения, где можно было оставлять «уличную» обувь и хранить скарб, коему в комнате не место, но и за дверями держать жалко, ибо сопрут. То, что с первого шага не довелось ни с кем столкнуться, помогло Рогову справиться с волнением и сделать следующий шаг. В комнате же, по сравнению с наперсточной «прихожей» показавшейся просторной, он увидел суженую-ряженую. Точнее — ее силуэт, поскольку Мария сидела спиной к окну, а бившее с улицы августовское солнце не давало рассмотреть лицо женщины. Однако даже расплывающееся в заслезившихся вдруг глазах очертание на фоне белесого прямоугольника дневного света показалось Рогову выразительным: напряженно прямая спина чуть откинута, плечи развернуты, руки картинно перекрещиваются на заметном животе, словно защищая ребенка в утробе.

Но что удивительно, кроме хозяйки, в комнате находилось трое мужчин. Смурной какой-то мужик полулежал на застеленной кровати, привалившись спиной к стене; у стола присели двое: хмурый татарин и довольно красивый юноша. Все собравшиеся мрачно молчали, разглядывая вошедшего.

Рогов, обнаружив здесь целое сходбище странных субъектов, опешил. Он собиравшись с ходу, прямо с порога откровенно объясниться с женщиной, раскрыть свой план, а там пусть она решает. Теперь же не в состоянии был выдать из себя ни слова, даже «здравствуйте», понимая, что в присутствии посторонних рассказывать о грандиозных, но могущих со стороны показаться бредовыми и вообще-то секретных замыслах ни к чему. Подозрительно косясь по сторонам, он торопливо пересек комнату наискосок и присел на краешек свободной койки у противоположной стены.

Теперь Рогов получил возможность как следует рассмотреть женщину, ради которой вляпался в такую глупую историю. Интерес, возможно, праздный, ну а вдруг все-таки с ней жить придется? Не хотелось бы рядом с собой всю жизнь видеть какого-нибудь крокодила...

Осмотром Рогов в целом остался доволен. Внешность Марии он оценил как приятную: светлые волосы, серо-голубые глаза, мягкие очертания лица... Пожалуй, нос чуть толстоват, но это уж если придирается. А так-то на роль соратницы, обеспечивающей надежный тыл, вполне годится — отметил Рогов с чувством глубокого удовлетворения. Женщина тоже внимательно рассматривала гостя, и взгляд ее еще больше обнадежил залетного жениха. Спокойный взгляд, но не отрешенный. Взгляд оценивающий, но не мелочно-придирчивый. Взгляд человека, умеющего прощать, но не собирающегося безоглядно верить твоему первому слову. Или, может быть, это был взгляд человека, перенесшего сильный шок и уже не реагирующего на новые раздражители?

Желание немедленно найти ответ настолько захватило Рогова, что он погрузился в отвлеченные размышления о тайне женского взора вообще, о загадочно меняющемся цвете глаз данной конкретной женщины, и даже забыл, где находится в настоящий момент, в какой неоднозначной ситуации оказался. Очнулся же Рогов от болезненного ощущения: его буравили еще три пары глаз. Рогов почувствовал себя пловцом, секунду назад безмятежно плескавшимся в голубой водице нежных женских очей, в которых всплывали то летняя зеленоватая бархатистая тина, а то холодные серые льдинки весеннего половодья, и внезапно стукнувшись о жесткий берег мужского взгляда. Рогов вынырнул на поверхность реальности, встревоженно огляделся и понял, что все присутствующие безмолвно требуют, чтобы он, наконец, объяснил цель своего появления.

Но ведь это решительно невозможно! Легче выброситься в окно, так кстати распахнутое хозяйкой, чем выставить на всеобщее обозрение свою заветную мечту, чем объяснить чужим, случайным людям, зачем Рогову нужна Мария, как он станет воспитывать ее ребенка, какой цели послужит их семья, если она возникнет. Рогов никак

не мог заставить себя заговорить, понимая: все, что он скажет сейчас, окажется неточным, приблизительным, грубым, ни в коей мере не отразит красоты и величия его трепетных сокровенных устремлений, будет выглядеть глупо.

Тяжелое молчание меж тем стало просто невыносимым, словно его специально нагнетали в комнату неким насосом. Казалось, еще секунда угнетающего безмолвия — и произойдет что-то страшное, непоправимое. Тогда Рогов решил начать разговор с темы, никак не связанной с сутью его замыслов; правда, подобрать таковую в незнакомой, к тому же явно не расположенной к общению компании оказалось не просто, да, собственно, и не удалось. Мысль Рогова билась конвульсивно, с надрывом, о чем все присутствующие могли догадаться по его сосредоточенному сопению да по невнятному визгливому бормотанию панцирной сетки кровати, на которой разместился гость. Наконец, несколько раз нервически откашлявшись, Рогов выдал самое, наверное, неподходящее в данной ситуации:

— Слыхали? Горбачев в отпуск улетел... Тут в стране такое творится, а он отдыхает!

Найденный зачин для общего разговора Рогову казался идеальным. За последнее время политик-самоучка привык к тому, что стоит лишь напомнить согражданам о происходящем в стране, как в ответ раздается целый хор возбужденных голосов, привычно транслирующих в пространство сумятицу мнений. Да и желающих поворчать на охочих до отпусков руководителей всегда много... Однако на этот раз ничего подобного не последовало; в помещении упорно продолжало уплотняться нудное молчание, нарушить которое Рогов почему-то считал своей обязанностью.

Тогда он, дуря от собственной развязности, вторично пересек по диагонали комнату и, приблизившись к противоположной стене, где углядел висевший репродуктор, решительно крутанул на аппарате ручку громкости. Что толку! Вместо ожидаемой бодрой музыки или выпуска новостей, прослушивание которых могло бы придать подобие осмысленности творившемуся вокруг абсурду, в комнату хлынуло бессодержательное шипение эфирного прибора. Загадочные, даже пугающие шумы крайне раздражали и без того воспаленные нервы. Казалось, это не они пятеро вслушивались в завывание вьюги радиопомех, а кто-то, стремящийся все знать и все контролировать (баба Дуся?), притаившись за стеной, подслушивал их самих при помощи шумящей, подобно морской раковине, пластмассовой коробочки. Рогов поспешно выключил приемник и метнулся на прежнее место. Панцирная сетка под ним сварливо заскрипела.

— Твою мать... — членораздельно и раздумчиво произнес мужик на соседней кровати, ни к кому конкретно не обращаясь.

Рогов силился уразуметь, кто тут собрался и для чего, не догадываясь, что самая разнузданная фантазия не помогла бы восстановить логическую цепь событий, приведших сюда всех этих людей. Очевидно одно: сам он оказался здесь в неподходящее время. Разумнее всего было бы убраться подобра-поздорову, да только разум пасовал перед всеподчиняющей инерцией бездействия. Подняться еще раз с продавленной лежанки, вновь привлечь к себе всеобщее внимание?! Ни за что на свете! Рогов согласился бы хоть целый год просидеть сиднем на визгливой койке, лишь бы избежать этого; он бы не шевелился, может, и не дышал бы, дабы не выдать своего присутствия в комнате, явно имевшей свойство волшебного преображать всякого, кто здесь появляется. Абсолютной неподвижностью Рогов добьется, чтобы его перестали замечать, как не замечают ежедневно попадающийся на глаза план эвакуации в случае пожара, прикрепленный к двери. А превратившись в невидимку, Рогов тихонько выскользнет из общежитской клетушки, убежит куда-нибудь далеко-далеко в надежде поскорее забыть все произошедшее, как забывают мучительное сновидение, не поддающееся толкованию.

Пока же приходилось изнывать от тоски в ловушке, в которую он по какому-то недоразумению сам себя загнал, да еще поплотнее захлопнул. Странность поведения сошедшихся здесь персонажей, явно враждебный настрой мужчин по отношению друг к другу, полное непонимание их целей, невозможность предугадать их дальнейшие поступки, — все это (не говоря уже про испытующий взгляд единственной необходимой Рогову женщины) лишало инициативы, сковывало волю.

Минуту назад Рогов попытался свергнуть власть безмолвия, опутавшего людей нерушимыми чарами, но после провала позориться еще раз не собирался. А уж излагать этим сердитым молчунам заповедные замыслы, заводить с ними разговор о возможной женитьбе, о воспитании наследника своих идей — убежденного коммуниста, человека будущего... Только представив такие откровения в незнакомой компании, Рогов содрогнулся от отвращения.

Он с удивлением обнаружил в себе, стороннике революционной простоты во всем, старорежимную стыдливость и интеллигентскую нерешительность. Для стойкого большевика слабость непростительная! Следовало собрать волю в кулак, повести откровенный разговор и прямо спросить: пойдет за него Мария замуж или не пойдет? может он рассчитывать на то, чтобы использовать ее ребенка в своих целях или не может? Тут стесняться нечего! Рогову не до церемоний, он не в игрушки играет. У него (единственного в этой комнате!) серьезнейшая, ответственнейшая, можно сказать, всемирного масштаба задача. Он, если угодно, исходит из производственной необходимости: поскольку спасти родину и революцию предстоит именно ему, он не имеет права медлить, не имеет права упускать свой, может быть, последний шанс!

Рогов и не собирался отступать, пока не добьется от Марии четкого ответа (кстати, не обязательно утвердительного: отрицательный результат — тоже результат; коль скоро теперешняя его задумка провалится, надо будет измыслить другой план действий). Зная свой характер, Рогов справедливо полагал, что умучает себя самоедством, дойдет до грани сумасшествия, ежели оперативно и достоверно не выяснит, останавливать ли свой выбор на Володиной, либо приступить к поиску другой сподвижницы. А если сегодня решительного объяснения не произойдет, придется придти в общежитие снова, снова объясняться со старухой-вахтершей, снова тащиться на четвертый этаж, стучаться в двери странной комнаты... Зачем ему повторно тратить драгоценное время на малоприятные и неэффективные действия?! Желательно было бы нынче же все выяснить.

Это Рогов прекрасно понимал, но, как ни распался доводами здравомыслия свою решимость, по-прежнему не в состоянии был вымолвить ни слова, точно заколдованный. Он ощутил себя доисторической мошкой, влипшей в густеющий янтарь молчания: теперь бесполезно дергаться, жужжать — замри занятым экспонатом для будущих исследователей...

Впрочем, не одного только Рогова разыгрывавшаяся здесь фантазмагория ввергала в тоску, доходившую до апатии. Оказавшись в окружении сосредоточенных на собственных потаенных мыслях и интимных переживаниях незнакомцев, каждый почувствует себя опереточным героем, нечаянно подслушавшим чьи-то откровения, не имея возможности ни оградить слух от пошловато-скучных секретов, ни ретироваться, ни выставить из помещения посторонних. Все мужчины, расположившиеся в комнате, испытывали неловкость, оттого что приходилось осваивать амплу простака из дурного фарса, но никто не ощущал себя вправе крикнуть: «Занавес! Скорее занавес!»

Наконец, сидевший у стола крепыш в сером костюме (пожалуй, самый хмурый из присутствующих здесь субъектов) решил прекратить затянувшийся спектакль. Подводя итог перепалке, которая, как можно было догадаться, бушевала в общежи-

тии до появления Рогова, и подавая своей репликой сигнал всем разойтись, он проговорил с каким-то туманным подтекстом, как это привыкли делать ответственные товарищи:

— Ну, хорошо. Я пойду; вы обдумайте мое предложение и потом свяжитесь со мной.

Угрюмый ответработник уже начал было подниматься со стула, но тот, кто был постарше остальных, остановил его:

— Ладно, ладно, обдумаем. А вот только скажи мне: если у нее не пацан родится, а девка, ты ее все одно примешь?

— Я приму,— быстро заговорил бледный юноша, нервно заерзав на своем месте.— Я приму. Мне это абсолютно безразлично.

— Да ты-то, конечно... Ты приемщик великий, сразу видать. Правда, самому еще титьку сосать в пору. А так ты всех примешь, зятек,— резко и язвительно откликнулся мужик в годах. Получилось у него хлестко, и он оглядел присутствующих с видом хозяина положения, явно довольный тем, как ловко ведет переговоры с молодежью.

Рогов постепенно начинал разбираться в ситуации: краснобай с деревенскими замашками, скорее всего, отец молодой женщины. Тогда двое других... Двое других, получается,— прямые соперники Рогова, претенденты на роль мужа... Как все странно складывается! Неужели они втроем случайно сошлись здесь в один день, в один час с одной и той же целью?..

Такое невероятное совпадение должно было бы беспокоить Рогова: следовало поторопиться, недвусмысленно обозначить цель своего прихода, покуда более расторопные конкуренты не увели из-под самого носа и женщину, и будущего наследника. Однако странная апатия не отпускала. Рогов по-прежнему не мог решиться на объяснение, да, впрочем, никто его об этом и не просил. Непостижимым образом люди в комнатке чувствовали себя связанными явственно ощутимыми, но слабенькими и прерывистыми флюидами. Казалось, что собрались здесь давние знакомцы, часто делившие на всех и радости, и горести, научившиеся понимать друг друга без слов; а вместе с тем каждый был словно наедине с собой, и остальные представлялись ему не настоящими людьми, а какими-то голограммами, выставленными в прозрачных витринах. Каждый сейчас будто бы блуждал в стеклянном лабиринте, где чуть мутные на просвет перегородки разделяют ищущих выход; можно видеть силуэт соседа, его лицо, но подойти вплотную нельзя, и даже голоса звучат приглушенно, не отчетливо.

Вот так отрешенно, не участвуя в происходящем, а наблюдая за всем со стороны, Рогов воспринял приход еще одного посетителя. Тот вошел, убирая в карман бумажник, бурча себе под нос о какой-то вредной старухе. Едва переступив порог коммунальных апартаментов, пришелец замер на месте. Уплотнившееся до упругости молчание не пустило его дальше. Подозрительно оглядев всех собравшихся, неожиданный гость остановил взгляд на Марии, представился: «Чернышев». Никто в ответ не назвал себя, и Рогов не назвал, потому что здесь они были не Чернышевыми, не Роговыми, не Володиными, а безмянными сгустками боли, комками разочарований, клубками неудач, шматками безнадежности, пластами грусти — переживаниями в чистом виде, без половых, возрастных, национальных, общественно-политических примесей. И Чернышев как-то сразу понял это, и захотел в этом участвовать, и, секунду помедлив, добровольно ступил в лабиринт, возведенный вязким, тягучим, как расплавленное стекло, молчанием. Не попытавшись ни к кому приблизиться или подать руку (все равно бесполезно: прозрачные перегородки помешают), Чернышев прошел в незанятую пока стеклянную клетушку (напротив входной двери, у раскрытого окна), навалился толстой попой на подоконник и скрестил на груди руки.

Приняв позу надменного зрителя, Чернышев оглядывал присутствующих с любопытством экскурсанта, случайно оказавшегося в каком-нибудь зооуголке. Во взгляде его сквозили то снисходительная ирония по отношению к выставленным на обзор почтенной публики экзотическим существам, то озорство сорванца, готовящегося поверх жестяной таблички с трафаретной надписью «Животных не кормить!» перебросить в вольер булку. Сквозь грани хрустального лабиринта безмолвия, которые до карикатурности увеличивали иные изображения, Рогов отчетливо видел, что новый персонаж, хотя и включился в их общую игру, хотя и моментально догадался о бесполезности слов, хотя и старался доказать, что выстрадал, как все присутствующие, право на свой кусок тишины, демонстрирует показное, притворное смирение, ибо печаль его мимолетна.

Видя, как Чернышев безуспешно пытается решить уравнение с несколькими неизвестными-немтырями, понимая, что четверть часа назад сам выглядел таким же растерянным тугодумом, Рогов с удовольствием вживался в роль старожил дикова-того, но, в общем-то, уютного мирка, похожего на братство исихастов. Рогов уже пообвыкся среди молчальников, стал находить, что чуть искаженная реальность, в которую он погружен, пожалуй, более ярка, чем привычное для всех формально-логическое существование, детерминированное вербальностью. Впрочем, какой-то черточкой, венчающей сюрреализм происходящего, не хватало. И вскоре, воплощая в реальность принципы театра абсурда, на сцене появился еще один статист, довершив фантасмагорию своим выходом.

Ворвавшись в комнату, этот последний посетитель резко захлопнул за собой дверь и немедленно привалился к створке спиной, как будто боялся, что следом вломятся разгневанные преследователи, которые чуть не настигли его у самого входа. Пришелец зачем-то завернулся в простыни; так мог бы выглядеть маскарадный костюм абиссинского негуса, изготовленный школьником младших классов для новогоднего утренника. Но Рогова не удивило немислимое одеяние незнакомца. Абсолютно не удивило. Наоборот, Рогов ждал прихода людей гораздо более экзотической наружности. Наверняка, сегодня их еще немало наберется (Рогов знал это почти наверняка, поскольку, ступив за порог психоделической общаги,— только теперь догадался! — угодил в зазеркалье многократно виденного сна, известного до мельчайших поворотов сюжета). И все те, кто нынче сойдется здесь, будут немного сумасшедшими, но, в общем-то, незлыми.

Подтверждая сюрреалистическое озарение Рогова, вошедший, который только что плотно прижимался затылком к двери, оглядывая собравшихся затравленным взором мученика, несколько раз глубоко вздохнул, потрянул спутанными локонами и вдруг заговорщицки подмигнул. От хитрованской ужимки на подвижном лице его моментально собралось столько морщинок и складочек, что лица-то будто не стало; незнакомец словно бы с величайшим проворством натянул и снял некую маску. Похоже, засевшим в чужой комнате угрюмым молчунам как раз этого сейчас и не хватало: усмешки, пусть даже плутовской, но жизнерадостной, побуждающей к действию. Поэтому в ответ на гримасу похожего на циркача пришельца мужчины разом заговорили, стараясь убедить окружающих в серьезности и значительности своих намерений.

Рогову показалось, что он очутился в большом и гулком певческом зале. Невнятно, как сквозь вату, слышался нестройный хор разных по тембрам, но унисонных по просительной интонации мужских голосов. Каждый говорил о своем, не слушая других, сам отвечал на заданный им же вопрос; то все одновременно пытались исполнить соло, то поочередно стихали, прислушиваясь к отголоскам прозвучавших партий. Рогову столь неприятны были мучительные поиски гармонии, что он недово-

но морщился, склонив голову на грудь и прикрывая глаза рукой. Хотелось пропустить черновой этап спевки и поскорее насладиться слаженной кодой.

Володина тоже раздражал возникший диссонанс. Несколько минут назад он чувствовал себя хозяином положения; давая всем понять, что последнее слово останется за ним, награждая собравшихся самыми нелестными эпитетами, говорил метко, хлестко, словно гвозди загонял в доску с одного удара и по самую шляпку. Теперь же Виктора Алексеевича вроде бы в расчет уже не принимают, зато каждый лезет со своей правдой. Нельзя так!

И дело не только в том, что колхозный бригадир значительно старше всех собравшихся (разве, лишь Шамсутдинов годился ему в младшие братья). Речь не о старшинстве, не об опытности, не об исключительных привилегиях отцовства — много их сейчас слушают, отцов-то. Неоспоримое, непреложное право рассудить неразумных сих досталось Володину от высших доверителей: от весенней пашни, дымящейся торжеством будущего урожая; от тянущихся вдоль полей рощиц, привыкших по осени философствовать листопадом; от летних полдней, плавящих воздух; от зимних закатов, в которые с разгону влетаешь на санях с бубенцами под топотание и храп коня. Вся жизнь Виктора Алексеевича, нудная, бестолковая и тяжелая, как нынешняя поездка в город, но проживаемая же им зачем-то (может, в угоду городским недотепам, наконец-то собравшимся здесь, чтобы взглянуть ему в глаза?), нескладная его жизнь, не прервавшаяся Бог весть почему при самом начале своем, в том страшном первом военном году, который по сей день отрыгается Володину лепехами из мерзлой картошки, тошнотворная, как паточный самогон, жизнь давала ему право один раз сказать любому правду в глаза. В первый раз (и, судя по всему, в последний) мнение Виктора Алексеевича было настолько важно, что могло изменить чью-то судьбу или даже судьбы нескольких человек. Это явственно ощущал он сам, это явственно ощущала молодежь и до поры не смела противоречить крестьянину.

Хотя... что ж корезить из себя вершителя чужих судеб, когда родимая твоя кровиночка так дурацки устраивает свою собственную! Стыдно-то как: вроде, сватовство идет, а сватов всамделишных нет, жениха (одного, единственного, настоящего!) и того нет, почтения отцу невесты никто не выражает, никто не поднесет рюмочку, а хорошо бы сейчас шарахнуть глоток маслянистой отравы, дабы оттенить горечь грядущей разлуки с дочерью. Да, стопку Виктор Алексеевич сейчас опрокинул бы с удовольствием, а после смачно крикнул бы и лихо махнул рукой на все предстоящие расставания, на пробивающуюся из мутных глубин души подленькую радость освобождения от родительских забот, на впервые подступившее комком к горлу ощущение неотвратимости старения, махнул бы рукой так, что плечо чуть не выскочило бы из сустава, да сказал после того взмаха: «Согласен! На все это согласен!»

Вот ведь с самого начала не задалась эта его поездка в город! А завершается она, прямо сказать, не по-людски! Собрались какие-то посторонние неприятные мужики и делят его дочку, имеют какие-то свои виды на его внука. Обидно до слез! И совсем уж мерзко было представлять, что кто-то из этих охламонов (или даже не один?!), лапал Машку, лез ей под юбку, ну и все такое прочее... Тьфу!

Однако, как ни странно было это сознавать, постепенно из омерзения, обиды и стыда, как бледные ростки озимых из обильно удобренных пластов чернозема, пробивались всходы надежды и умиротворенности. Вроде бы, в том диком балагане, куда судьба занесла Володиных, неоткуда было взяться спокойной уверенности в счастливом исходе, но вопреки логике безосновательный оптимизм теплой волной разливался в душе Виктора Алексеевича. Будущее дочери уже не представлялось ему трагически одиноким и беспросветно скверным: одна она теперь точно не останется; ведь вот они — женишки; пусть плохонькие и чудные, зато отбоя нет! Значит, Маш-

ка сможет выбрать одного из этих тетер в мужья, оплести его податливыми, но прочными кольцами женских прихотей и вьюнком по пряслине полезть вверх, к радости устроенного и стабильного житья. Если, конечно, дочь его непутевая очнется да всерьез займется устройством своей судьбы, потому что пока Машка сидит скучная, как будто ей и дела нет до страстей, кипящих на ее жилплощади.

«Гляди-ка: застеснялася! — Виктор Алексеевич мысленно комментировал поведение дочери, телепатически пытаясь едким сарказмом вывести из непонятого оцепенения эту неудачницу, дороже и роднее которой нет и не будет в мире, заставить Машку на что-то решиться, пока не упущена («Да, да, да, по-ка не у-пу-ще-на!» — чуть аритмично, но в унисон с надеждой стучало родительское сердце) возможность словом или поступком изменить роковую предопределенность постоянных житейских провалов.— Давать кому ни попадя она, гля, не стеснялася, а сейчас сидит, язык в задницу засунула. А надо бы как-то определяться, не сидеть так-то, ватной бабой на чайнике!» Однако, видя, что отравленные стрелы его злой иронии то ли не попадают в цель, то ли отскакивают от брони полуобморочной Машкиной апатии, Володин взял инициативу в свои руки:

— А ну-ка! Притихните, зятьки! Чтой-то разгалделись! Становься в очередь на усыновление! Да... А то, может, вы ждете, что она пятерню принесет? И каждому по ребеночку обломится? Ты, Машка, уж расстарайся. Поясница у тебя, вон, широкая, давай, поднатужься, раз людям так надо, подсоби родине с детьми... А серьезно сказать: горько мне на вас смотреть. Не по-людски выходит, зятьки. У людей-то ведь как? Пришел ты к девке... ну, к бабе, так и так, скажи, мол, люблю тебя, жить с тобой хочу совместно. А у вас все свои выгоды на уме...

— Я! Я. Я ее люблю,— востепенулся снова самый молоденький.

— Да ты ж ее знать не знаешь! — вразумлял Виктор Алексеевич.— Откуда вдруг — люблю? Ты присмотришь к ней, погуляйте вместе, походите, поговорите. Она-то еще чего скажет.

Саша сник, потупил голову, притих на скрипучем казенном стуле. Юноша чувствовал себя невероятно уставшим, измученным. Ему сегодня пришлось совершить множество подвигов. Он сумел проникнуть в сказочный замок, который под влиянием чар некоего злого мага всем остальным представлялся рабочим общежитием; он правильно ответил на головоломные вопросы сфинкса-привратника в обличии любопытствующей старухи; он решился войти в заветную комнату, где томилась заколдованная принцесса; он вступил в напряженный словесный поединок с другими претендентами на руку красавицы. Теперь ему требовались силы и мужество для нового подвига — подвига стоического долготерпения. Саша понимал, что в шумящем под этими пыльными сводами рыцарском турнире он сможет завоевать даму сердца не красноречием, не силой логики, а силой любви, преданностью и скромной верностью. И пусть другие участники ристалища, обличая заблуждения соперников, отстаивают собственную правоту и право на благосклонность Марии, Саша выбрал другую тактику. Он смиренным, но постоянным присутствием убедит возлюбленную в своей надежности, необходимости, незаменимости. Саша был уверен, что так победит. Беспокоило только, что один из женихов, тот, щуплый, пониже всех ростом, похоже, разгадал его военную хитрость и также до времени притаился в засаде.

Рогов, в самом деле, решил дать другим наговориться вволю, а потом уже высказаться самому: так оно внушительнее получится, весомее, убедительнее. Пока же пусть болтуны-ветрогоны, постоянно перебывающие друг друга, тщетно ищут выход из призрачного лабиринта нескончаемого спора. Пусть они попытаются выкарабкаться из-под нагромождений своих абсурдных мыслей, пусть попробуют разгрести железобетонные обломки своих нелепых идей, пусть постараются поскорее откаш-

ляться от кирпичной пыли своих несуразных слов. У Рогова найдется более важное занятие, чем участие в легковесных прениях (благо, голоса спорщиков звучат все глуше и почти не отвлекают). Пока есть время и возможность, надо очередным натужным усилием мозга хоть на сантиметр подтащить себя к обретению смысла жизни. Пока есть время и возможность, надо сосредоточиться на корневых понятиях, которые требуют скорейшего досконального истолкования.

Конечно, отправные положения марксистско-ленинской философии в каком-либо толковании не нуждаются, они должны быть априори приняты за аксиому. Тут вопрос веры, а в вере Рогов оставался крепок. Пытливый пролетарий в какой-то момент не столько осознал, сколько догадался, что научный коммунизм лишь по традиции или для проформы называется научным, а на самом деле давно уже перерос рамки науки и перешел в разряд религиозных учений (без противоречащей логике идеи о высшем существе, разумеется), а религиозные учения, как известно, чужды доказательности. Рогов как раз и мечтал отключить закипавший от работы на холостых оборотах мозг, чтобы сполна насладиться гармоничной стройностью, доступной внятностью усвоенного мировоззрения, так четко объяснявшего законы вселенной, генезис и сущность человека, принципы функционирования общества. Однако треклятая практика воплощения теоретических построений классиков не давала снять умственное напряжение, порождала постоянные мучительные сомнения, доводящие до сумасшествия.

Рогов с яростью камикадзе отбивался от неотступных и неослабевающих ренегатских колебаний. Рогов чуял наличие революционного духа в толще народной массы, как натренированная легавая чувствует дичь под ворохом опавшей листвы, и готов был, как бультерьер, неотрывно вгрызться в свою добычу, чтобы даже после смерти не разжимать челюстей. Рогов, подобно опытному мастеровому, прикидывал реальную возможность раздуть мехами созидательной работы пока еще теплящийся в золье повседневного прозябания огонек принципиальности и обеспечить ровное горение вечного огня коммунизма. Дело вполне посильное, надо лишь все время поддерживать советское общество в состоянии повышенной идейной боеготовности, надо каждому изо дня в день упражняться в преданности идеалам.

Но как этого добиться? Человеческая природа ненадежна, в комфортных условиях развитого социализма граждане Страны Советов расслабились, потеряли бдительность; следовало бы их хорошенько встряхнуть. Если для тренировок на ринге потребен спарринг-партнер или боксерская груша, то для поддержания постоянного боевого тонуса народа очень пригодилось бы наличие свирепого противника или хотя бы присутствие в обыденном сознании представления о таком противнике. Только вот на данном историческом этапе неоткуда взять подходящих спарринг-партнеров! Разные там империалисты все реже проявляют свою агрессивность, поэтому широкими кругами населения в качестве супостатов уже не воспринимаются... Воинственные прежде китайцы притихли у себя за стеной... Даже ограниченный контингент советских войск в Афганистане — и тот был погружен в сугубо мирные заботы: судя по репортажам программы «Время», наши солдаты там занимались исключительно посадкой деревьев да ремонтом местных школ...

Предъявить бы народу врагов внутренних... Как назло ни одного не осталось! Всех победили еще наши деды и отцы, о чем неоднократно заявлялось с самых высоких трибун. С кем нам сегодня бороться? На каком поприще свершать великие деяния во имя торжества революции? На поприще борьбы с пьянством? На поприще повышения культуры быта? Имеющиеся недостатки, конечно, необходимо изживать, но как-то мелковата такая задача, не соответствует планетарным масштабам классовой борьбы. Проявлять рабочую доблесть в социалистическом соревновании? В рос-

те производительности труда? Бессмысленно, поскольку наращивание производства при плановой экономике не бесконтрольно же осуществляется; наверняка как повышения, так и понижения процентов роста заранее просчитываются при наметке горизонтов пятилеток. Не могут не просчитываться.

Вот и получается (вопреки словам великого пролетарского писателя), что в повседневной советской жизни нет места подвигу. Возможности для героического маневра народу не оставили коммунистические генералы, сузили вселенский оперативный простор до размеров парадной площадки. Что уж нынче мечтать о доблестных дерзаниях, когда любое мало-мальски самостоятельное перестроение на плацу кажется отцам-командирам неоправданным безрассудством!

А ведь люди неизбежно чахнут в отсутствие ярких, возвышающих страстей; череда однообразных житейских впечатлений затягивает тоскливой ряской все благородные стремления, заболачивает родничок духа. Душа, изнывающая под тяжестью волокуши будней, почти ослепшая в шорах обыденности, зашуганная окриками погонщиков, постепенно мертвеет. Тут уж беда, настоящая беда, поскольку человек так устроен, что нет для него ничего страшнее и отвратительнее, чем носить в себе (живом!) мертвое сердце. И вот он, бедолага, пускается на поиски подручного средства, дабы быстрее и безболезненнее усыпить душу. Кто-то перед ее ампутацией оглушивает себя пьянством, доводя организм до полной бесчувственности, когда внутренняя пустота уже не пугает, даже не ощущается; тот настойчиво и грубо выжигает нутро цинизмом, зато потом спокойно живет бодрым роботом; этот зажимает трепетную психику в тисках быта и давай корнать ее рашпилем жадности; другой в пыльном спортзале своего равнодушия день за днем качает тонюсенькие стенки сердечной мышцы, пока они не превратятся в непробиваемую мускульную броню.

Отчего же из нашей жизни постепенно, но неотвратимо испаряется все героическое?.. Рогову по какой-то неуловимой аналогии вспоминались уроки начальной военной подготовки, резко вмешавшие в кислый запах школьной рутины непривычные брутально-романтические ноты порохового дыма и ружейной смазки. Эти нотки, почти неуловимые, однако до конца так и не выветривавшиеся, приятно щекотали ноздри, стоило переступить порог специально отведенного под НВП учебного кабинета. Один вид спецкласса, оборудованного двумя металлическими дверями и сигнализацией, вызывал почтительный интерес. Не удивительно, что на время новый предмет сделался любимым для старшеклассников, увлеченно отработывавших сборку-разборку автомата Калашникова. С каким трепетом ждал юный Рогов того момента, когда возьмет в руки прославленное оружие, ощутит его весомую значимость, лихо передернет затвор! Да не один Рогов — такое же волнение переживал каждый ученик третьей ступени... Правда, лишь приступая к занятиям, пожалуй, только в первом полугодии девятого класса. А с приближением дня вручения аттестата зрелости операция по анатомированию автомата становилась все докучнее. Уже не казалось чудом то, что выпотрошенный вороненый остов и лежащая рядом груда отливающих сталью внутренностей под умелыми руками легко воссоединяются, возрождаясь к новой жизни. Перекормленный плодами древа познания десятиклассник уже с ленцой воспроизводит однообразные, надоевшие пассы, выполнявшиеся десятки раз, прочно вошедшие в двигательную память, и при этом ритуально бесполезные, поскольку выданный строгим военруком (подполковником в отставке!) самопал ни при каких условиях не сможет произвести выстрел, даже холостой. Многоопытному, искушенному подростку-выпускнику уже очевидна чисто декоративная роль доверенного ему на несколько секунд муляжа, игрушки со спиленным бойком и рассверленной газоотводной трубкой.

Подобная удручающая перемена произошла с Роговым и в зрелые годы. Его, без-

заветного, горячего сторонника советской власти, советская же власть и обратила в диссидента! Так шампанское, под бой курантов вырывающееся из бутылки шипучей праздничной многообещающей струей, затем, простояв нетронутым в бокале всю новогоднюю ночь, безвозвратно утрачивает свою игристую легкость, превращается наутро в препротивнейшую кислоту, которую с раздражением выплескивают в раковину.

Оставалось только удивляться, до чего трудно жилось в СССР убежденному, идейному коммунисту. Ни в чем не видел он отрады; ни в чем не удавалось ему приблизиться к торжеству своих воззрений. Еще было бы полбеда, если бы потерпело крах мировоззрение одного отдельно взятого Рогова, но ведь за его личной трагедией просматривалась грядущая глобальная катастрофа. Если уж созданное на благо всего народа государство не в силах сделать счастливой столь лояльную, столь непритязательную клеточку социального организма, каковой являлся Рогов, то об общем счастье и думать не приходится. Налицо абсолютная недееспособность созданного в СССР идейно-политического механизма. А ведь со стороны он выглядел таким совершенным, таким привлекательным, таким мощным, таким хитроумным!

Как ни жаль, но приходилось признать, что достоверность марксистской теории не подтверждена практикой; в конкретно-исторических условиях воплотить великие замыслы удалось лишь частично. Следовательно, учение изначально содержало неустрашимые изъяны. Следовательно, обещанное коммунистическое завтра — миф... Рогов окончательно убедился: глубинный смысл истории непостижим для индивидуального сознания, глупо надеяться, что конечная цель прогресса познана кем-то из смертных. Ее, конечной цели, может, вовсе не существует. Жизнь идет вразнос, грозно лязгает на стыках неизвестно кем и куда проложенных рельсов, неосмотрительно пронесится мимо истерически пульсирующих красным семафоров морали и гуманизма. Провожая глазами мелькающие вагоны этого шального эшелона, который вне всяких расписаний, без каких-либо виз мчит безбилетное человечество во мрак неведомого, Рогов с трудом сдерживал горькие слезы разочарования.

А иногда, дойдя до крайней степени интеллектуального изнурения, он впадал прямо-таки в ярость, свойственную человеку, оказавшемуся на грани нервного срыва. Во время подобных приступов благоговение перед величием коммунистического идеала неожиданно для самого Рогова оборачивалось бешеной ненавистью к практикующим коммунистам. Правдоискатель-одиночка раздражался внутренними монологами, сочившимися ядовитой патетикой, перенасыщенными риторическими фигурами.

«И что же вы наделали, коммунаки?! — с болезненной возбужденностью восклицал (про себя, пока что только про себя) Рогов во время своих припадков. — Взались, и не подняли. Понесли, да бросили. Не удержали, не удержали... Какую вещь испортили! Какую идею загубили! Величайшую из идей человечества. Да ведь после того, как вы своей ленью и узколобостью все испоганили, будет похерена любая попытка воплотить в жизнь эту идею. Теперь любой, кто хотя бы призадумается над тем, что такое равенство, что такое братство и альтруизм, обречен на насмешки и издевательство! Теперь никто в мире даже мысль не кинет в сторону создания справедливого общества. Никто и никогда! Никогда в истории человечества! Ты понимаешь, что это значит: никогда в истории человечества!»

Рогов и сам бы не объяснил, к кому конкретно адресуется в своих филиппиках, почему переходит в обращении с множественного числа на единственное, а только обязательно надо было вызвать к барьеру какое-нибудь ответственное лицо. С кем-то непременно следовало посчитаться за возникший в душе болезненный, беспрестанно саднящий надрыв; кто-то так или иначе должен был поплатиться за то, что недолго-

временное пребывание на свете уникальной человеческой личности оказалось навсегда лишено пленительного возвышающего смысла, превратилось вдруг в нелепую ненужность. До нервической дрожи хотелось кому-то персонально бросить в лицо страстное обвинение, исполненное досады и праведного негодования.

А сейчас, во время дурацкого спектакля, разыгрывавшегося в тесной комнате незнакомого общежития, Рогова словно слабым электрическим током било. Легкие конвульсии то и дело пробегали по телу, причем не только от отвращения к посторонним, неприятным людям, против воли втянувшим его в дрянную трагикомедию. Незадачливый статист готов был скоморошничать, фиглярствовать, валять ваньку, ибо знал, во имя каких благородных идеалов выступает сегодня в унижительной роли паяца, просящего внимания к себе, словно милостыни. Но за самим фактом этой гнусной инсценировки виделись происки все того же неназванного пока злонамеренного субъекта, виновника крушения всех возвышенных надежд, — вот что заставляло беспокойно ерзать на скрипучей панцирной сетке чужой кровати! До каких же пор изворотливый враг будет уходить от ответа?! В том, что волна народного гнева рано или поздно настигнет кознодея, сомнений не было. Но когда же, наконец, это произойдет? И сможет ли он, Рогов, послужить орудием справедливого возмездия? На скулах страдальца микроскопическими цунами вспухали и опадали желваки, веки то хищно сужались, то распахивались чуть не на пол-лица, делая весь его облик по-детски трогательным.

В мимике Рогова так непосредственно и живо отражалась безостановочная смена мощных, глубоких эмоций, что Саша, внимательно присматривавшийся к затаившемуся до времени сопернику, просто залюбовался. Тщедушный человечек с мелкими невыразительными чертами вдруг увиделся художнику по-новому. Лицо его, словно колышущееся под ветром спелое поле, по которому в летний облачный день пробегают переливчатые тени туч, то слепило бликами грандиозной утопии, то омрачалось сомнением; на щеках временами проступал горячий румянец митингового оратора, страстно зовущего внимающую ему толпу к несбыточному всеобщему счастью; в серых глазах слезно блестела непреложная вера в осуществимость захватившей его навязчивой идеи. Подсвеченная изнутри неукротимой одержимостью, вся кургузая фигура мечтателя представляла уже не карикатурной, а фантазмагорической.

Саше представилось, что перед ним не реальный человек, а персонаж какой-то картины... Скорее, даже не картины — пробного наброска, признанного неудачным и заброшенного в дальний угол мастерской. И вдруг этот начерно намалеванный мужичок соскользнул с этюдника, как соскальзывает порой незакрепленный лист бумаги, разметал по полу пустые жестянки из-под краски, расшвырял ненатянутые подрамники — багеты, зияющие креативной несостоятельностью, оконные переплеты, выкорчеванные с фасада заброшенного дома творчества, — и выбрался из захламленного высокохудожественной рухлядью чулана на свет Божий, чтобы встретиться со своим создателем...

Саша еще не успел осознать зародившийся в душе импульс к труду живописца, а пальцы помимо воли уже шарили по столу в надежде наткнуться на карандаш: пойманный образ просился на полотно. Неплохая получилась бы работа — «Портрет современника». В глазах своей модели Саша показал бы и горькие слезы неудачника, и тревогу за будущее, и страх очередного предательства, и необъяснимую, ни на чем не основанную надежду на лучшее.

И сумасшедшинка была-таки, была в этих глазах! А как иначе назвать стремление непременно соединиться с впервые увиденной женщиной, стремление настолько эксцентричное, что повергло в столбняк самого же незваного жениха? Как по-другому определить состояние человека, внезапно обнаружившего у себя симптомы

неподконтрольной разуму эмоциональности?.. Впрочем, стоит ли подбирать слова? Слова бесцветны и бесплотны; только краски могут живописать, как росток любви взламывает заплывающий асфальт души современника. Вот и нужно запечатлеть на картине чудесное преображение простолюдина-горожанина в рыцаря, преклоняющего колени перед непостижимым величием красоты. Надо попытаться передать через портрет мятущегося натурщика священный трепет, который внушила художнику (именно художнику!) их (одна на всех — так уж получилось) дама сердца, их горделиво-смирная донна...

Тогда, может быть, задуманный портрет следовало бы назвать иначе: «Жених»... Или: «Молодой отец»?.. Интересно, можно ли отразить на холсте то, как удивительно меняется лицо человека, пробуя применить к себе слово «отец»? Постигание отцовства, вообще говоря, трудно приходит к молодым мужчинам. Попервоначально нелегко расчистить в голове да в сердце пространство, где будет вечно храниться новое, непривычное ощущение личной ответственности за неизвестно откуда появившегося в доме постоянно верещащего пупса, в чьей метрике зачем-то упомянут и ты. А уж литогенез родительских чувств, не связанных с близостью с конкретной женщиной, дается совсем мучительно. Сколько времени, сил потребуется, чтобы в твоей душе интерес к футболу и беззаботным дружеским посиделкам постепенно заместился стремлением постоянно и деятельно опекать своего детеныша! Впрочем, не только своего, а любого человеческого детеныша, ибо стремление это втерто в подкорку всем представителям сильного пола с незапамятных веков, когда ребенок был общим достоянием, залогом будущего процветания, порой даже выживания первобытного племени.

Как далеко, однако, способна улететь мысль художника — от портрета современника в непроглядную темь истории! Саша не переставал удивляться: серенькое лицо этого... как его?.. Он, кажется, даже не представился. Впрочем, это и не важно! Так вот: серенькое лицо модели внезапно явилось взору живописца словно бы ценным полотном, которое вдумчивый реставратор просвечивает рентгеном, открывая все новые и новые напластования изображений. В облике натурщика ясно отразилось, например, и то, что личность формируется только на противоходе, только на преодолении.

Каких усилий стоит человеку поиск его собственного, единственного его пути! Какое мучительное счастье испытывает он, делая первый шаг! С каким невероятным напряжением дается каждый шаг последующий! Как старательно скрывает он смещение и сомнения, пытаясь не спастись перед уверенными в себе, раскрепощенными попутчиками, твердо шагающими по своим дорожкам, и насколько обострены все его чувства мнительностью, боязнью ступать на фоне других. И чего стоит ему, преодолев нерешительность, проверив и перепроверив себя, все-таки идти, все-таки торить свою тропу, на том простом основании, что это *его стезя*.

Впрочем, даже выбившись на свою дорогу, нельзя быть уверенным в том, что достойно пройдешь ее до конца. Вот так же, как этого несчастного человечка, потихоньку отеснят тебя на обочину расторопные конкуренты и, не оглядываясь, попрут дальше к финишу. А ведь человек, может быть, самый достойный из всех претендентов на руку Марии! Однако ни явные достоинства, ни вопиющие недостатки участников гонки никакого влияния на исход состязания не имеют! Достойнейший слишком часто оказывается проигравшим, и такой порядок вещей давно обрел черты неизбежного принципа бытия. Принять же жизнь такой, как она есть, без надежды на торжество справедливости, тяжело. Пожалуй, даже невозможно. Уж Саше-то это известно лучше многих других.

Замысел нового портрета постепенно обретал черты этапной работы, выросал до

масштабов исповедального художественного высказывания целого поколения. Все новые и новые побег эмоции пробивались сквозь сухую корку невосделанной души, пышно колосились захватывающими идеями; казалось, что эти добрые злаки своими спелыми усиками ласкают сердце, и от их ласки наполнялось смыслом существование. А ведь Саша уже стал забывать, как весело ощущать за грудной клеткой биение крыльев фантазии, стал забывать, что главное дело его жизни — налюбовавшись той жар-птицей, распахивать клетку и выпускать на волю трепетную пленницу. Дело это и болезненное, и немного зазорное, и жаль расставаться с пернатым чудом, и страшновато отпускать его в необжитой, неуютный мир, но иначе поступить невозможно, иначе изменяешь себе самому. И сколь сладостно было сейчас почувствовать позабытое покалывание в пальцах, ищущих несуществующий карандаш на чужом столе, сколь радостно было понять, что осталась в прошлом протезная чужеродность собственных рук, безвольно повисавших при предстоянии перед чистым холстом, сколь восхитительно было после долгих месяцев творческого бессилия вновь осознать себя художником.

Это заслонило собою даже чудный, манящий свет, исходивший от Марии, это оказалось важнее несбывшихся мечтаний о счастье в соединении с женщиной. Так вот для чего пришел он в неприятное, гадкое общежитие: не за женой, а в поисках вдохновения! Вот во имя чего претерпел он множество унижений! Вот зачем была ему ниспослана помрачившая рассудок страсть: чтобы, изжив ее, возродиться измененным в новых полотнах! Саша облегченно вздохнул, и с этим вздохом немедленно отлетели в небытие и катакомбообразный подвал кинотеатра, и до тошноты пропахшая одеколоном «художка», и мающийся у ее дверей преданный собутыльник-квазимодо. А самое главное: испарилась обморочная любовь его. Отпустила, ушла.

Саша, словно вырвавшийся из водоворота пловец, не мог надыхаться созидательной свободой, которая неожиданно вернулась к нему таинственным промельком, но не в лике возлюбленной, а в физиономии едва знакомого человека, почему-то ставшего самым дорогим и понятным в мире существом... Портретисту показалось вдруг, что чужое, аляповато слепленное лицо преобразилось, приобретя его собственные черты... Да почему же показалось? Так и было, ведь любой портрет — всегда автопортрет. Теперь сумеет бы все до мельчайшего штриха запечатлеть на картине! Рассказать бы достоверно, чем живет каждая неприкаянная душа, отчего так невыносимо ей на свете. Не только же от отсутствия любви. Нет, не только от этого...

«Ты не убивайся так-то уж, друг! — мысленно утешал Саша своего натурщика.— Да, мир спроектирован суровым, индифферентным к конечному результату и, пожалуй, чуть небрежным зодчим. Да, в нашей горестной юдоли если и обретишь каким-либо случаем чувство глубокого удовлетворения, то всего на миг, не дольше. Никогда не было такого, чтобы отдельная человеческая единица, не говоря про целый народ, в конкретных исторических условиях сколь-нибудь долговременно наслаждалась бы гармонией и радостью бытия. И мы с тобой, видя, что творится вокруг, конечно, не считаем себя счастливыми. Но, может быть, через четверть века наше время назовут наисчастливейшим в истории страны...

Да, сегодня мы с тобой жестоко страдаем от очевидных пороков системы, мы удручены и раздражены, мы гневно отвергаем привычный уклад жизни. Но завтра-послезавтра забудут о бытовых неурядицах, о вопиющей глупости управителей, о разъедающем общество ханжестве, а сохранят в памяти лишь задекларированную нашим строем аксиологию. А ведь она сконцентрирована на ценностях незыблемых, выверенных всем ходом развития человечества! И объявят потомки наше с тобой время великим, потому что суть этого времени в обращении к лучшему в человеке».

«В обращении к лучшему? — Рогов перехватил Сашин взгляд, на мгновение явив

вместо романтично-сосредоточенного профиля сердитый фас, и художнику показалось, что натурщик, возмущенный неприлично пристальным созерцанием, ответной репликой попытался дополнить замысел картины.— В обращении... Тогда уж в призыве. В мобилизации. В назойливом подталкивании к лучшему — вот в чем суть нашего времени. Но навязанные взгляды не укореняются в душе, не становятся внутренним убеждением, а потому легко уносятся прочь, не задерживаясь, катятся за горизонт таким идейным перекасти-полем при первом порыве интеллектуального сквознячка».

Рогов отвернулся, но Саша уже поймал его движение, поймал и увидел новый ракурс портрета. Неожиданный отклик модели обрадовал живописца так, словно бы он прочел мысли гипсового конуса или проник в душу мраморного бюста. Сердце наполнилось нежностью к чужому, вроде бы, мужчине: «Ах ты, милый мой современник! Знаю, знаю я эти твои раздумья. Ты еще дороже мне стал своим возражением! Теперь-то я понял, как тебя писать! Появились и силы, и непреклонная решимость перенести на холст родные, необыкновенно близкие черты твоего лица, усталого лица часового великих истин. Растерянного лица рядового распушенной армии, лица человека на краю пропасти, пытающегося совладать с паникой; человека, боящегося узнать, что ждет его впереди. А ждут тебя сомнения, унижения, боль и страх. Никто уже больше не назовет тебя мерой всех вещей. Напротив, сам ты станешь вещью, не очень ценной вещью, которую, однако, жаль все-таки выбросить. Сколько же тебе придется перестрадать, чтобы доказать всему миру, что ты сам способен решать свою судьбу!..

Да, это будет великий портрет. Портрет брошенного всеми человека, навсегда оставляющего дом и направляющегося в трудный и опасный путь к неразличимой пока цели... Впрочем, равным образом это портрет человека, прошлое которого было смутно и тягостно.

Конечно, предшественники наши, утверждая непреходящие смыслы эпохи, действовали грубо, жестоко, прямолинейно. Конечно! Но ведь предшественники прорастают из реальной истории и поэтому всегда таковы, каковы есть. Конечно, методы современников немногим лучше тех, что использовали в прошедшем, и дискредитируют утверждаемые ценности. Конечно! Однако других современников нам тоже неоткуда взять. А потом: они хотя бы попробовали! Попробовали приспособить мечту для повседневной жизни. А это немало. Это дорогого стоит.

Я согласен с тобой: чтобы воспитать генерацию убежденных приверженцев некогда выстраданной идеи, следовало действовать гораздо более артистично. Но ведь хранителям учения всегда кажется, что следующие за ними поколения обязаны воспламеняться вменяемыми догматами из одной лишь благодарности за свершенное ранее... На самом же деле для Клио нет аксиом; все теоремы да теоремы, и доказывать их нужно ежедневно, убедительно, вдохновенно, так, чтобы заинтересовывать молодежь, которая зажигается живыми делами, стремится подражать стильным, ярким личностям. Образно говоря, ленинская кепка здесь уже не годится, а вот берет Че Гевары подошел бы. Как бы не так! Хранители учения у нас как огня боятся всего своеобразного, нестандартного; тип современного революционного романтика, раскрепощенного и жертвенно-мужественного, бездарно потерян для пропаганды... А зачем наши коммунистические тузы затоптали чехословаков, попытавшихся три десятка лет назад сказать новое самобытное слово? Для чего вот совсем же недавно выкрутили руки полякам? Почему делают вид, что в упор не видят югославского пути? Какого черта нас призывают к одному, а в жизни требуют совсем другого, подчас противоположного?!»

Если бы Саша говорил вслух, то на этих словах непременно возвысил бы голос

до звенящих патетикой нот. И Рогов, давно уже ответивший на внимательный взгляд художника не менее внимательным взглядом, вдруг явственно услышал не прозвучавший в реальности Сашин выкрик, вздрогнул и снова отвел глаза.

Еще только подходя к незнакомому общежитию, Рогов уже испытывал смутное беспокойство человека, не до конца осознающего последствия своего поступка. Переступив порог подозрительной комнаты, он с тоской почувал, что вторгся в некую измененную реальность, явно враждебную ему, где весь предыдущий опыт окажется бесполезным, где предстоит решительно и необратимо измениться. Потом началась совсем уж дичь: непостижимый пространственно-временной сдвиг вызвал к жизни людей-фантомов, обживавших иррациональный мирок с будничной обстоятельностью, с деловитой самоуверенностью. Теперь же, неожиданно для себя обретя способность одновременно слышать как речи собеседников, так и их мысли, Рогов пришел в ужас, ощутив, что проваливается под лед обыденности и медленно погружается в студеную бездну неведомого.

Он слышал то, что произносили Чернышев, Шамсутдинов и Иммануил, обращаясь друг к другу, к Марии или к Виктору Алексеевичу, и всякое слово было фонетически узнаваемо, доступно по смыслу. Но в это же самое время (помимо желаний!) Рогов, как будто сквозь вату в ушах, улавливал, воспринимал и то, что крылось за фразами присутствовавших, то, что адресовалось почему-то конкретно к нему, к Рогову.

Выспреннее остальных краснобайствовал чудик в дурацкой белой накидке, сорвавший словесами, словно шелухой подсолнечника. Нескладный верзила ухитрялся сразу и спорить с Чернышевым о доходности набиравшего обороты мистического предприятия, и пылливо поглядывать на Виктора Алексеевича, проверяя, поддерживает ли его будущий тесть, и время от времени разухабисто подмигивать Марии.

При этом, несмотря на комическую суетливость, он ревниво следил за сутью безмолвного разговора, который вели между собой Саша и Рогов. Иммануилу не терпелось свой грошик тоже бросить в пошедшую по кругу шапку вековой славянской беседы:

«Эк вас занесло! В глобальные проблемы! Перестаньте! Не про нас это! Куда там русским с их ленью-матушкой, с их необязательностью, с их дрябленьким всепрощением, с их расслабляющей добротой проводить столь масштабный, требующий полной концентрации и полного самоконтроля эксперимент! Вот если бы немцы взялись, у них вышло бы... Однако отчего-то не взялись немцы. И англичане не взялись, и французы... А ведь марксизм-то этот... Это было их дело, европейское, на них скроенное, на них шитое. За социалистической идеей явно виден и Ренессанс, по-детски обомлевший от обнаруженных им безграничных возможностей венца творения, и галантное осмнадцатое столетие, изверившееся в Боге, но упорно не замечавшее одномерности восхваляемого на все лады разума, и век девятнадцатый, давший европейцу возможность впервые в истории наесться досыта, до обжорства, так, что потребовалось ослабить пояс и даже расстегнуть пуговичку на жилете. Только вот о чем думает насытившийся человек? О том, как же вокруг него много голодающих? Нет! Он о том думает, что бы еще послаще положить в рот на десерт. И ничего страшного! Это нормально, естественно для смертных. Из естества надо исходить во всем, из естества! А не гоняться за коммунистическими призраками! Кстати, в Европе это давно поняли, потому Маркса своего нам спихнули, чтобы мы тут мучились, над собой ставили всякие опыты. Ну, давайте, давайте! Экспериментируйте. Только без меня!»

Приливы и отливы голосов (как различных ухом, так и воспринимаемых лишь телепатически) качали Рогова на своих гребнях, баюкали, а затем зазвучали дико-

винным адажио, свелись в вычурную мелодию, витую, литую, похожую на одинокую чугунную колонну, установленную кем-то неизвестно где и непонятно зачем. Рогов вдруг оказался вознесенным на самую капитель этой колонны, да так высоко, что трудно стало дышать. Преодолевая приступы головокружения, он подполз к краю плоской площадки и взглянул вниз. Едва различимый стилобат циклопического столпа был установлен все в той же общежитской комнатенке, а вокруг массивного цоколя копошились суетливые человечки. Глядя на их оживленную жестикуляцию, можно было догадаться, что они по-прежнему отчаянно препираются друг с другом, но сюда, на металлически равнодушную высоту, не долетало ни звука.

Рогов пожелал выяснить, что говорит... ну, хотя бы, вот тот, коренастый... лысоватый такой... По роговскому хотению пневматическая почта тут же доставила на верхотуру серебристую капсулу, развязывая которую, Рогов обнаружил протокольную запись выступления указанного субъекта.

Протокол гласил: «Слово предоставляется тов. Шамсутдинову Р. Х. Выступающий обратил внимание присутствующих на то, что важна не коммунистическая идеология сама по себе, а установленный под ее воздействием строгий порядок во всех сферах жизни, каковой порядок длительное время предопределял наше поступательное движение вперед. Достигнутая ценой немалых усилий стабильность государственного устройства (что в особенности важно для такого государства, как наше, занимающее довольно обширную площадь и населенное неоднородным по этническому составу населением), имевшаяся в наличии до самых недавних пор, представляет собой базис дальнейшего развития. В последующем означенный базис необходимо неукоснительно сохранять, в то время как идеологическая надстройка, вызывающая у населения определенные нарекания, могла бы быть постепенно модифицирована как не имеющая первостепенного значения. Возникающая при этом опасность деструктивных перекосов будет сведена к минимуму отлаженной работой госорганов, что необходимо обеспечить дополнительными директивными мерами и мероприятиями по материально-финансовому обеспечению госслужащих.

Однако в настоящее время руководство страны занимает прямо противоположную позицию, объявив т.н. войну бюрократии. В результате столь недальновидной политики не только ставится под угрозу безопасность самого руководства, но и подрываются устои государства, поскольку лишь опытные специалисты-администраторы способны снизить возможность негативных последствий при осуществлении реформ. Следовательно, необходимо оперативно свернуть кампанию критики номенклатуры. Напротив, следует настойчиво разъяснять массам важность той функции, которую осуществляют ответработники, нейтрализуя подчас возникающее у рядовых граждан чувство беспокойства по поводу определения дальнейшего курса развития страны и тем самым позволяя основной массе населения сосредоточиться на текущих делах, высвобождая общественную энергию для решения экономических и гуманитарных задач. Именно должностные лица, службисты являются становым хребтом государства, именно им следует перепоручить проведение преобразований».

Прочитав это, Рогов поморщился, резко выбросил правую руку в пространство, прямо из воздуха, не глядя, достал солидную перьевую ручку, которой размашисто начертил на документе резолюцию: «Че-пу-ха!» Рядом поставил свою витиеватую подпись и, уложив бумагу в пулеобразный футляр, отправил его обратно. Роговские каракули понеслись по многочисленным трубкам пневмопочты, на каждом новом коленце обрастая дополнительными смыслами, трансформируясь в полноценное, обоснованное суждение, так что внизу трехсложное словцо явилось читателям язвительным памфлетом:

«Вся власть ответственным работникам? Ха-ха! Да перед кем же они отвечают?!»

На поверку ни перед кем. Какова мера их ответственности?! Нулевая! Если плохо выполнено конкретное задание, вышестоящий чиновник может взыскать с нижестоящего. Но кто и когда был наказан, если дело касалось функционирования всего государственного аппарата? В случае системных сбоев или коллапса канцелярские крысы разбегаются, подставив под удар высшее руководство. Кто-нибудь из наиболее одиозных сановников порою возлагается на алтарь общественного недовольства, в целом же бюрократический класс не только не несет тягот вместе со всеми, но, напротив, постоянно пухнет, несмотря на любые народные бедствия. На место отданного на заклание столоначальника немедленно является толпа новых претендентов. И все они уже насобачились выдавать свою сервильность за умение вести дела! Все пускают сладострастную слюну в ожидании спецпайка, все нетерпеливо роют землю копытами, стремясь поскорее ринуться в отделы спецобслуживания! Все благословляют ту минуту, когда их полупрозрачные тельца нежизнеспособных моллюсков оказались надежно укрыты непроницаемым панцирем исключительных кастовых привилегий: из-под этого панциря можно безбоязненно выпускать длинные жадные щупальца, шаря вокруг себя в поисках поживы... И вот среди нас находятся те, кто предлагает чуть ли не законодательно закрепить за чернильными душами некий особый статус. За какие же такие великие заслуги?!»

Вячеслав Лямкин
(г. Бийск)

**ОТПУСТИ ЕГО НА НЕБО, ДУША,
ОТПУСТИ...***

Вячеслав Михайлович Лямкин, молодой прозаик, кандидат в члены Союза писателей России, лауреат православной литературной премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского, технический редактор журнала «Бийский Вестник».

5

— Вы приезжая? — мужчина интеллигентного вида присел рядом на лавочку, держа на поводке таксу. От него пахло туалетной водой.

— Да, вы правы! К сыну приехала погостить.

— Борис Валерьевич,— представился мужчина.— Мы с Рудиком частенько выходим погулять в утренние часы. Знаете, говорят, благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему. Гуляем по кварталу, а вас я заметил недавно.

— Вы наблюдательны...

— Пололожение обязывает. У меня высшее педагогическое... Сейчас молодежь пошла, то и дело норовят обхитрить. Приходится держать ухо востро. Кхе-хе.

Мария понимающе кивнула.

— Извините, можно задать вам вопрос личного характера? — спросил он.— Ваши родные пенаты далеко?

— Павловск, знаете?

— Павловск! Конечно! Назван в честь царевича Павла Первого. Несостоявшаяся столица края! А грибные места у вас просто отменные!

— И хорошо, что несостоявшаяся! — поддержала разговор Мария.— А то бы не любовались мы сейчас чудными местами. И лес бы весь вырубил, и пруд бы в лужу превратили. Многоэтажек понастроили, асфальтом дороги закатали и название придумали — микрорайон Касмалинский, и мы бы с вами сидели сейчас и ностальгировали о основном боре и теплой речушке, а ученые гадали, кто принял данное решение.

— Да, да. Вы правы. Даже приятно, когда человек защищает свою землю, а вы именно защищаете...

Подобные беседы стали происходить регулярно.

Надька, не замедлив, поинтересовалась:

— Чего Малюков на лавочку к тебе стал подсаживаться? всю жизнь с матерью прожил. Ни ребенка, ни котенка, хоть собаку завел на старости лет и то ладно. Бабка год назад померла, скучно, наверное, стало, теперь ищет, кто его обстирывать и кор-

* Главы из повести.

мать будет, а то кроме кефира, яблок и корма собаке в «стекляшке» ничего не берет, видно в университетской столовой питается.

После этих разговоров Мария ночью переворошила в памяти гулянки Михаила. Раз припугнула мужа:

— Пить будешь, к Бродькину уйду!

Бродькин (их огороды смотрят друг на дружку) визгливый мужик, ходивший постоянно со свисающей мотней на штанах, с вечно текущими соплями по бороде, вечно подбирающий по дороге или на свалке всякий хлам.

Спустя несколько дней они возвращались из центра и по пути встретили Бродькина, вытаскивающего из лужи ржавую железяку. Михаил напротив соседа остановил Маньку и, повернувшись к Марии, сказал:

— Чего сидишь, вот он, Бродькин! Ссадить?

Долго потом еще хохотали над этим.

Воспоминание стало небольшой отдушиной перед визитом Бориса Валерьевича.

Утром, проводив домочадцев на работу, она по обыкновению вышла подышать свежим воздухом. Мальков встретил ее с букетом цветов.

— Мария Петровна, не считите за... вам... мы взрослые люди, нам нечего таить... хорошо узнали друг дружку... чувства появятся, поверьте, переезжайте ко мне!

— Не стоило тратить, Борис Валерьевич! — сказала она и даже не задержалась, прошла мимо, а он, проводив ее своим обыкновенным грустным взглядом, положил цветы на скамейку, дернул таксу за поводок, скомандовав, как ни в чем не бывало:

— Рудик, домой!

Цветы пролежали на лавочке до вечера, пока Надька их не забрала:

— Добру зря пропадать! Вон красотишша какая!

На следующий день Надька встретила ее улыбкой:

— Ну, раз на кавалеров фартит, пойдем, я тебя с настоящим мужчиной познакомлю! Хоть развеешься, отвлечешься! А то киснешь, сидишь в своих воспоминаниях. Подожди минутку, дometу.

— Еще кавалеров не хватало!

— Пойдем хоть у меня посидим! День рожденья сегодня, как-никак!

— Поздравляю, Надюш! Только без подарка неудобно!

— Да брось! Неудобно, Машка, на потолке спать, одеяло соскальзывает. А здесь я тебя приглашаю. — Надька потянула ее за руку, и Мария сдалась.

— Ну, разве ненадолго!

— Конечно! Посидим, поболтаем. По рюмашечке вмажем!

У Надьки просторная двушка. Бардак в квартире соответствовал ее холеричному характеру. На скорую руку накрыли на стол — колбаски порезали, сыра, огурчиков. Пока накрывали, Надьке все кто-то названивал. Поговорить выходила в коридор. До Марии через раз доносилось:

— В магазин зайди! Да хоть в нашу стекляшку! Давай скорей, а то мы уже накрыли...

— Ты там с кем? — поинтересовалась Мария.

— Да родственник сейчас придет в гости. Поздравит!

— Слушай, ну что я вам буду мешать. Я тогда пойду, внучка скоро со школы вернется,— отнекивалась Мария, но именинница настаивала на своем.

— Уйдешь, я обижусь! Буду считать, что ты мне испортила праздник.

Пришлось остаться.

Гость — примерно их возраста с выделяющимся животом на фоне хиленькой груди и тонкой шеи. С лицом неприятным, отеком и красноватым. Над верхней губой выбриты полоской усики-ниточки. От него за километр несло туалетной водой. В руках он держал увесистый пакет.

— Эдуард Витальевич! — представился он Марии.— Подполковник в отставке.
— Мария Петровна! — ответила она и почувствовала стыд, хлынувший жаром в лицо.

— Наденька, взял все по вашему желанию! — отчитался Эдуард, потряхивая содержимым пакета.— Водочка, пиво «Чешское», шоколадку «Россия — щедрая душа!», колбаса «Краковская».

Пока Надька выкладывала провиант на стол, гость начал распечатывать бутылку.

— Вы что будете? — спросил он у Марии.— Пиво, водочку?

— Конечно водочку! — ответила за Марию Надька, крутясь у холодильника.

— Знаете, одному скучно! — разливая спиртное говорил Эдуард.— Женщину я свою давно похоронил. Дети уже выросли, внуки подрастают. Сейчас найти собеседника по интересу дорогого стоит. Вообще, я считаю женщину нужно сравнивать с красным вином — чем старше, тем ценнее! Поэтому, Надежда Валерьевна, пьем за вас, за ваше здоровье и женскую привлекательность!

Чокнулись, выпили.

— Видишь, Машка, не извелись еще мужики, ценящие нас! — сказала Надька и тут же спохватилась: — Блин, сока-то забыли взять!

У Надьки даже варенья не оказалось сделать морс.

Пришлось запивать «Чешским».

Толи от намешанного пива с водкой, толи действительно немного отвлеклась от грустных мыслей и расслабилась — Марию заметно развезло. И они уже на пару с дворничихой смеялись над пошлыми анекдотами, вставляемые то и дело в разговор их новым знакомым.

Зазвонил Надькин мобильник. Она чертыхнулась. Вышла разговаривать в коридор.

— В соседнем доме у кого-то трубы прорвало,— оповестила она, накидывая куртку.— А ключи от подвала у меня. Вы сидите, я сейчас мигом! Да заодно в магазин заскочу, бутылочку возьму, а то чувствую, мало будет!

— Наденька, и сигарет еще пачку захвати! Бонд синий, пожалуйста,— вдогонку ей бросил Эдуард.— Я с тобой потом рассчитаюсь.

Мария сидела и улыбалась, думая о чем-то своем.

Дальнейшие события происходили, будто в тумане.

Ей стало дурно, и вроде она попросила его отвести ее в спальню. Отвратительные усики отставного подполковника перед глазами, запах перегара (ее или его — уже неважно), губы в чем-то жирном и его холодное костлявое тело, льнущее к ней, торпливые руки, срывающие с нее одежду.

Толи сон страшный снился...

А потом кровь на его голове. Текущая из раны быстрее, чем обычно от поднявшегося давления (говорят, от выпитого бывает). Разбитая, хрустальная ваза, стоящая рядом с кроватью на тумбочке, исцарапанные щеки, испуганный взгляд Надьки и свежий воздух, хлынувший ей в лицо на улице...

6

Будто бы от изнурительного похмелья невыносимо, только болит не голова, а душа...

Хорошо, обошлось без последствий: отставной офицер сильно не пострадал. Дворничиха вовремя подросла — остановила кровь, обработала рану зеленкой, обмотала голову бинтом.

Всю ночь Мария не спала — винила себя. Казалось, супруг следит за ней и корит ее за проступок.

Перед глазами стояли последние деньки, проведенные с ним...

...Два года назад Михаилу поставили стент на сосуд в области сердца. Врачи предупредили о серьезности положения: «Лекарства сильные, но готовьтесь — в любой момент может случиться ухудшение...»

И тогда Мария воскресила в памяти бабу Лену, водившую ее в молодости к гадалке:

— Пойдем, Маша, к бабке Потанихе, она правду говорит.

Седая бабка Потаниха, разложив старые потрепанные карты на столе, выдала будущее, открывшееся только ей:

— До шестидесяти немного не доживет!

А молодым казалось — шестьдесят наступят нескоро, но не успели оглянуться, и им уже не по двадцать. Жили, не оглядываясь назад, работали, воспитывали детей, не замечая стремительно бегущего времени, а не успели опомниться, пенсия подоспела.

Михаил часто говорил:

— Бросай работу! Хватит бегать, не молодая. Знаешь, дома плохо одному. Ты пенсию получаешь, я получаю, вдвоем нам хватит. Хоть напоследок вместе побудем!

Чувствовал, что недолго осталось. Оттого и принялся за несколько дел сразу, хотел многое переделать. Наставления давал.

Когда его выписали из больницы (он проходил плановое обследование раз в полгода) явного улучшения он не ощутил.

Чаще стал просить выпить. Мария злилась на него, но шла навстречу, не в силах отказать, думая, вдруг от ста граммов муж будет лучше себя чувствовать.

— Возьму четок и ни капли больше! И за ограду ни ногой, понял! — говорила ему.

— Пивка еще полторашечку... Схожу Ваньку угощу!

— Ага! Ванек мне не хватало! А то сейчас начнется, Танька мне выдаст!

И утешалась мыслями: «Может, выпьет да ему полегчает». А легче не стало.

Сидели утром на кухне, пили чай, и Михаил ей сказал:

— Маша, пришла моя смерть!

Она не придавала значения его фразе, ходила и еще подтрунивала над ним, наблюдая за мужем, бегущим со сберкнижкой в руках.

— И чего ты с ней секотишь? — буркнула Мария.— Положи на место, на эти деньги похоронить и хватит!

— Мужики приедут и закопают!

— Закопают, жди! Закопать сейчас не меньше пятидесяти тысяч надо.

— Меня не надо с почестями, по-простому...

— Ну-ка, стой! А ты чего лыбишься, довольный, дерябнул, поди?

Проследила за ним. Подозрительным показалось его шмыганье в бендейку. Проверила и сразу нашла трехлитровую банку с остатками мутной бражки. На днях сын приезжал в гости, сок березовый в колках собирали, он, похоже, одну баночку и приберег. И ходил с утра, глаз щурил.

Поход в магазин тоже восстановила по минутке — дорога шла через лес, и Михаил часто останавливался, опирался на сосну, пытался вздохнуть полной грудью, но не получалось. Мария видела его мучения и страдала вместе с ним.

— Давно мы, Маш, не ходили нашей дорогой! — замечал Михаил, пытаясь отвлечь ее.— Даже не узнать! Посмотри, лес-то помолодел! Последний раз по нашей дороге давненько ездили.

— Старые деревья спиливают, другие их место занимают, оттого и молодеет!

— И у людей то же происходит,— заметил Михаил и долго потом о чем-то думал.

Пока шли, освежили в памяти молодость, друзей, дискотеки. И даже поцеловались. Разговор по душам оказался для них последним...

Время, когда помирает кто-то из близких людей, запоминается надолго. Мария чуть ли не поминутно могла пересказать трагический день.

С утра вышла на улицу, а Михаил лавочку новую у палисадника мастерит.

— Наконец, снесла курица яйца! — всплеснула руками она.

— Не шуми! — забивая гвоздь в доску, ответил Михаил.— Вдруг гости придут, хоть посидеть будет где людям!

И снова она не придала его словам значения.

А Михаил готовился. Чувствовал — раз отправился прощаться по улице: добрый, безобидный, простой, как три копейки.

Долго беседовал с узбеками, строившими неподалеку дом. Разговорился с бригадиром — молодым парнем из Алтайского. Рассказывал о многом. Про сорок лет, прожитых на поселке. (Мария потом узбека расспросила).

Припомнил — на соседней улице раньше дома не стояли, а просторная полянка перед их воротами только недавно застроена. Поделится: крепкий асфальт в селе на их улице, в укладке он тоже принимал участие. Жаловался на сына, работающего в городе, хотел чаще его видеть, но не получалось. А напоследок сказал бригадиру, может, главное:

— Я слышал, Юрка, сосед чурками недобитыми вас называл! А ты, паря, не обращай внимания — все под Богом ходим! Люди мы — и поверь, на небе различия не будет!

Мария несколько раз выглядывала за ворота, проверяя мужа. Удостоверившись в нормальности его состояния (боялась, угощать его начнут), снова хозяйничала по дому.

После разговора с бригадиром Михаил направился к Ивану Дымову. Она хотела остановить его, но муж махнул на нее рукой:

— Опять выбежала! Иди, иди домой! Посижу с Ванькой немножко и приду.

Мимо пробежала ребятня, и он обратился к ним:

— Ух, мальцы! Ну, живы?

— Живы, дядь Миш, живы!

— Ну, тогда и живите! — сказал он им в след.— Место у нас хорошее — лес, речка. А я пошел...

У Марии до сих пор перед глазами стоит сцена, когда она делает мужу искусственное дыхание — вдыхает, вдыхает в него воздух, а он, зараза, выходит обратно...

Возвращалась мыслью к фельдшеру запоздавшей «скорой», отстранившему ее от мужа. А она не хотела отходить и кричала, цепляясь за рубаху, сшитую недавно по его просьбе:

— Мишенька, родненький, дыши! Дыши, родненький, дыши!..

7

Утром Мария, надеясь не встретить Надьку, тихо спустилась по ступенькам и выскользнула из подъезда.

До Никольской церкви рукой подать, но она проехала несколько остановок на автобусе, затем сошла, решив прогуляться. И пока двигалась по проспекту, вспоминала. Не заметила опасность — пытаясь перейти на другую сторону проспекта, выскользила на проезжую часть, прямо под колеса троллейбуса...

Под визг тормозов кто-то схватил Марию за рукав и потянул обратно на тротуар.
— Ты чего, мать, надумала!? Жить надоело? — пожилая женщина держала за руку Марию.

Она поблагодарила спасительницу, так и не поняв, что могло произойти, поспешила в храм.

На утреннее богослужение опоздала. В церковной лавке купила две большие свечи по семьдесят рублей, спросила, где ставят за упокой, и прошла вдоль стены в левую часть храма к указанному канону с распятием.

Перекрестилась. Осторожно зажгла свечку.

Рядом стояли две женщины и тихо переговаривались:

— А некрещеных отпевают? — спросила одна у собеседницы.

— Говорят — нельзя!

Мария горько улыбнулась услышанному — Михаил некрещеный был. Бабка знахарка его в воду погружала... А в Бога верил... По своему! Из календаря вырезал лик Николая Чудотворца и у печки на стенку приклеил...

Мария неотрывно глядела на горящий огонь, погружаясь в дорогие сердцу воспоминания...

...После бани стригла Мишу, а он смиренный, родной, то и дело шутил, а она читала нотации.

— Боролась с тобой, боролась, думала, человека сделаю! А не получилось. Непутевым и остался!

— Ты меня, непутевого, еще целовать будешь!..

Накануне перед смертью выпросил у нее на бутылочку. И когда уже легли спать, Миша три раза приходил в спальню. Сначала постоял у кровати, за руку взялся, поддержал в мозолистых ладонях и ушел. Через несколько минут опять тихо позвал: «Маша! Ты спишь?» Но не дождавшись ответа, снова ушел в другую комнату. А в последний раз присел в ногах. И долго сидел, глядя ее ступни.

Странными показались его хождения. Выпивши, он ни разу подобным образом себя не вел. Обычно поговорить надо. Пофилософствовать. На улицу выйти. Посвистеть. Покричать: «Дороги!», или сядет на крылечке, гармошку в руки возьмет, меха рвет. Поэтому лежала Мария, притворяясь спящей, думала, снова начнет на бутылку просить. Опять пойдет за самогоном да завалится к Ваньке Дымову, и на всю ночь Таньке — жене Ивана не видать покоя. Лежала, не откликалась. А знала бы, то поговорила бы с ним. Может, и выпросила о плохом его состоянии. А он и не показывал. Приходил прощаться, а она не поняла!..

Горит свеча... Трепещет пламя перед образами. Святые внемлют мольбе Марии.

Лишь бы не погасла!.. Плохой знак. Погаснет — не услышат на небесах просьбу...

Горит свеча — жива вера на лучшее, на снисхождение Господа, надежда на спасение души...

И вдруг... Мария увидела Михаила...

Руки у него в тисках железных зажаты. Похожи на те, что в бендейке стоят... Тиски сжимаются. Больно ему... Кинулась она на помощь, да кто-то не пускает!.. Держит!.. И в сторону отводит... От мужа...

— Нельзя, вам, Мария... Суд Божий идет... Перед Богом он!

— Ему же больно!.. — захлебываясь слезами, пытается вырваться Мария.— Пустите!.. Господи Иисусе!.. Прости его, грешного!..

С трудом Мария открыла глаза. Почувствовала себя нехорошо. Присела на лавочку. Разрыдалась...

Перед глазами кружилось и шумело в голове.

Как добралась домой, не помнит. В квартире никого не было. Сын уехал с семьей помогать свекру на даче. Мария выпила таблетку и прилегла на диван. В неродных стенах еще с большей силой почувствовала одиночество.

Некому излить душу. Дочь далеко, а разве по телефону передать той малой толики, что хочется сказать, глядя человеку в глаза. Думала, у сыночка обретет душевную теплоту, но Николай отдалился. С возрастом очерствел. Возможно, она виновата — недолюбила сына, уделяя больше внимания Михаилу. Может, недодала материнской любви, занятая насущными проблемами?.. Но старалась же!.. Старалась следить, чтобы дети были сыты и обуты. И даже когда становилось тяжело с деньгами, прокручивала в магазине махинации с ломом печенья да со списанными конфетами, добавляя их в свежую партию, лишь бы дети ни в чем не нуждались.

«Теперь ничего не исправить. Не нужна никому! От того и горько! Ой, как горько!» — думала Мария. И вдруг в памяти всплыл момент, как уже не ходячая бабушка Лена просила:

— Доча, отвези меня домой! Слышишь! В родных стенах хочу умереть!

— Баб, кто за тобой ходить будет? Нина учится, Рая работает, ей некогда. А я не набегаюсь, далеко.

— Христа ради прошу! Отвези!..

Но она тогда даже не захотела слушать.

Сколько лет прошло, а до сих пор нехорошо от мысли, что бабушка после отъезда из родного дома не два месяца прожила бы, а дольше, если бы выполнили ее просьбу.

Мария не решалась тогда сказать ей о том, что на дом, построенный отцовскими руками, уже найден покупатель.

Тетка, смотревшая добротный пятистенок, ходила и охала: «Старый». Еще не купив, намеревалась сломать перегородку между комнатами, планируя сделать просторную залу.

Речь покупательницы резала ножом по живой памяти об отце...

Мария не сдержалась:

— Ничего у вас не получится!

— Не поняла? — выпучила глаза тетка.

— Я вам не позволю! И вообще... Я... Я передумала! Дом не продается!

— Ну, знаете, милочка! — тетка дернулась. — Вам тут не детский сад!

Покупательница побагровела и, выходя, запнулась о пустое ведро на веранде.

Но рано или поздно всему приходит конец. Дом пришлось продать. Девчонки выросли, обзавелись семьями, разделили наследство. В довесок к деньгам Марии достался стол, стоящий до сих пор у нее в сенцах...

8

Мария не слышала, как вернулись домочадцы. Ритка заглянула в комнату и, удостоверившись, что бабушка дома и спит, ушла к себе.

...Удивительная черта людей заглушать тоску-печаль песней, превратившейся в исцеляющий бальзам...

«В полном разгаре страда деревенская, доля ты русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...» — пела бабка Домна. Дребезжал голос старухи, похожий на стекло, готовое от удара разлететься на мелкие кусочки, а удар тот — слово...

Бедная, не узнавшая, где могилы сыновей. Читающая и перечитывающая последние письма, пришедшие с фронта...

Воображение Марии рисует образ Домны, зарытой по голову в песок.

Ах, как хочется обнять бабушку, натереть скипидаром непослушные ноги, поговорить!..

Спросить:

— Ну, как ты, Домна? Где взяла силы пережить лютое горе? А я ведь теперь понимаю! Ох, понимаю! Тяжко на душе! А может, ты знаешь способ избавиться от щемящей боли в сердце, выжигающей, подобно кислоте, нутро.

Мария наклоняется к Домне, подносит к беззубому рту стакан с водой. Домна шевелит пересохшими губами, хочет дать внучке важный завет. Но Мария его не слышит. Она пытается раскопать Домну, но та с головой исчезает в песке...

...В квартире тихо и только из комнаты сына доносятся голоса:

— Мир на этом не обрушился!

— Она мешает?..

— Чего завелся? Заладил одно!.. Коля, пойми, у нее еще не тот возраст подле нас сидеть! Пусть на работу устроится, в конце-то концов. Ей же лучше будет!

— От чего лучше? От одиночества?..

— Ей сейчас надо переболеть! И сроду не одна, мы будем на выходных приезжать. Или давай продадим дом?.. Купим рядом с нами малосемейку. Мать будет под присмотром.

— Да не поедет она в малосемейку. И дом продавать не согласится!

— А ты поговори!..

— Сама говори!..

Чтобы себя не выдать, Мария лежала не шевелясь и смотрела, как медленно идут часы... Тик... Так... Слышала ворочанье сына с боку на бок. Он тоже долго не мог заснуть.

От чего-то вспомнилось, как выбирала рубашку, в которой положили мужа в гроб.

В ритуальных услугах не оказалось немаркой, простой, как любил Михаил. Пришлось побегать по магазинам, пока не нашла нужного размера и цвета.

Позже представила сосновый бор, защищающий поселок от ненастья, и поняла, что хочет домой. Обратно, где прошли лучшие годы. Представила безжалостный ветер, обрушивающийся на ее дом — одинокий, безмолвно принимающий удары стихии...

Сейчас, вдалеке от родных мест, пришло осознание — в расставании есть сила, которая позволяет распознать правдивое, искреннее и неподдельное, очищающее душу. Это время дает человеку понять: чувства, сильнее любви, — не найти. А вера, как лакмусовая бумага проявит — не сорняк ли вырос.

Мария еще долго не могла приспособиться к дивану, но главное — к ней пришла уверенность — за эту ночь обрела истину.

9

Выпал первый снег. Сидя на кухне, Мария наблюдала с третьего этажа за непогодой: хлесткий ветер, резвясь между пятиэтажек, тербил рябину, в осень посаженную под окнами, и покрывал дорогу скользкой наледью. Люди, застигнутые непогодой врасплох, кутаясь в легкие курточки, прятали лица от ветра, сновали по тротуару; и ей стало неуютно оттого, что неуютно проходим на улице. Захотелось всех ра-

зом пожалеть, приласкать добрым словом, обогреть горячим чаем с малиной. Уподобилась Михаилу — он постоянно хотел обогреть обездоленных, приводя их домой.

Когда родные разошлись, Мария собрала вещи. Позвонить не решилась. Знала — Николай сорвется с работы. Не хотела отвлекать. Написала короткую записку и направилась на вокзал. Уезжая из города, поняла — возвращалась домой свободной, сбросив груз, непомерной тяжестью лежавший на душе.

Выйдя в райцентре, не стала дожидаться «ГАЗели», ходившей каждый час до их поселка, а пошла пешком.

Перешла мост. Мимо проезжавший автобус тормознул у обочины. Дверь открылась, и она увидела махавшего ей шофера — Алексея Устинова.

— Теть Маш, вернулись! А я смотрю, вы не вы! Даже сразу и не признал! Я до лесхоза. Садитесь! Подброшу.

— Спасибо, Леш!..

— Нагостились? Быстро! Хорошо в городе?

— Хорошо!

— Колька кем работает!

— На заводе, начальник цеха...

— Ясно! Здорово пристроился! А вы слыхали новость?! На поселке часовенку хотят ставить.

— Часовенку? — удивилась Мария Петровна.

— Ну да! Дядя Миша часто сетовал, что поселок наш на змеином саду построен. Говорят, церкви участок уже отдали или продали на опушке у дамбы. Поп приезжал, освящал место! Говорят, лесхоз уже добро дал — к весне выделят пятьдесят кубов бруса!

— Хорошее дело задумали! — ответила она.

От конторы пошла пешком через бор той дорожкой, по которой любили они с Михаилом ездить на лошади.

Лес встретил ее шепотом сосновых вершин. Принял под хвойный покров, направив в ее сторону слабое дуновение озимого ветерка. Выпавший вчера первый снег почти сошел, но местами цеплялся из последних сил за пожухлую траву, за наломанные ветром ветки, за неглубокие ложки, открывая ей некий смысл и, словно боясь больше не вернуться в эти места, старался задержаться, не подразумевая, — через короткое время снова вернется на долгие месяцы. А пока обласканная внезапной теплотой душа отогревалась — с каждым шагом, приближавшим ее к родному уголку, набиралась силенок и, выйдя на полянку перед домом, ожила, точно земля, после долгих зимних дней истосковавшаяся по весеннему солнцу.

Дом уже не выглядел большим. Казалось, подобно сиротке, осунулся, врос в землю, сутулясь меж ивовых зарослей и опушкой бора.

Кошка, спрыгнув с навеса, бросилась в ноги.

Мария взяла Симку на руки, приласкала, приговаривая:

— Заждалась! Пришла ваша непутевая хозяйка! Простите вы ее!

Остаток дня провела в домашних хлопотах: попросила Ивана Дымова залить воду в систему. После — долго натапливала печь, загоняя тепло в дом, делала генеральную уборку. И ближе к вечеру, намывшись в бане, поймалась на мысли — безмерно рада оказаться снова в родном гнездышке, где жила в труде, иногда в нужде, но с чистой душой, любя мужа, детей, радуясь малому, ценя дарованное Господом... — простую жизнь.

И от усталости провалилась в сон, — со дня похорон толком не могла глаз сомкнуть, и случилось то, чего ждала долгое время — приснился Миша:

— Тише, тише! — улыбаясь, шепчет Мария, вдыхая пряный аромат светлых лу-

гов, наслаждаясь прохладой березового колка, да застывшим румяным закатом. На дне ложка озерцо с парной водой. Рядом стоит перегревшийся старенький «Днепр» свекра, на котором они тайком уехали с сенокоса.

Натруженные, сильные руки Михаила пытаются заключить ее в крепкие объятия, а она, дразня его, вырывается, смеется.

— Погоди, Миша! Ты не сказал! Ну, говори!

— Чего говорить! — Михаил делает вид, якобы не зная, что от него просят.

— Признавайся, без кого тебе нет жизни!

— Без тебя!

— Имя назови! — властно требует она.

— Мария! — произносит Михаил.

— Мало! — не унимается она и снова отстраняет его руки.

— Мария! — повторяет муж.

Она бежит вниз к воде и, оглядываясь назад, кричит:

— Главного-то не сказал!

Михаил пытается догнать ее, но она уворачивается, улыбка не сходит с ее губ.

Они становятся дальше друг от друга, и она слышит его приглушенный голос:

— Люблю тебя, Маша!

Над утренней зорькой во сне летала душа Марии. В стоявшей тишине поселка дорога ее бежала вперед, а густые сосновые ветви шептали, подглядывая в темные проемы окон:

— Отпусти его на небо, душа, отпусти!

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

**ОКИ-ДОКИ:
МУРМАНСК — СЕВЕРОМОРСК — АМДЕРМА**
(главы из повести)

Ефим Гаммер — член редколлегии израильского и российского журналов «Литературный Иерусалим» и «Приокские зори», автор 25 книг, лауреат Бунинской, «Левша» им. Н. С. Лескова и других премий; печатается в журналах России, Израиля, США, Франции, Канады, Германии, Австрии.

12

*Кронштадтский вестник
(опубликовано 12 мая 1900 года по старому стилю)*

«Вчера, 11-го мая, в Санкт-Петербурге, происходило морское торжество — спуск на воду крейсера 1-го ранга «Аврора». Погода была ясная, тихая, теплая. Крейсер выходил из-под крыши эллинга кормой вперед, и на нем поднимались флаги. Как только носовая часть крейсера погрузилась в воду, были отданы оба якоря. С судов, стоящих на Неве, был произведен установленный салют».

Эта заметка — размер 13×18 сантиметров, фотобумага фирмы «Унибром» — была отпечатана на фоне крейсера «Аврора» и прикреплена к деревянному мольберту, стоящему в кабинете Эриха Эриксона. Кабинет был пуст, но за ним, в «больничной палате», слышалась какая-то невнятная возня.

— Вы уже кончили? Кто-то пришел! — донесся приглушенный женский голос. По тембру вроде бы пропавшей нашей красавицы Янат.

— Одевайтесь!

Врач выглянул из-за двери.

— Это вы? Я ведь просил не раньше, чем через часик...

— Помешал?

— Не то, чтобы помешали. Не ко времени. Она еще не отлежалась.

— Могу и в другой раз.

— Другого раза не получится, если вы все поймете превратно.

— «Ничего не видел, ничего не знаю». Так, что ли?

— А что вы видели?

— Ничего.

— Тогда откройте глаза, посмотрите на пациентку. Янат! — позвал он девушку. — Вы свободны.

Как-то неловко, припадая на ногу, будто ей больно ходить, Янат вышла из каюты-палаты.

— Здравствуйте,— пряча глаза, она виновато шмыгнула носиком и протиснулась между мной и мольбертом к выходу.

Мне стало как-то совестно, словно подглядывал в замочную скважину. Но я ведь никуда не подглядывал! Попросили — пришел. И тут — на тебе! — душа пропадающая, по всему судну разыскиваемая. Что ей сказать?

— Привет, Янат-Таня! — сказал, и добавил автоматически: — Ливик тебя не доищется. С ума сходит. Сам картошку чистит.

— Догадываюсь.

Нервным тиком исказило лицо девушки и, едва сдерживая слезы, она выскользнула за дверь.

Эрих Эриксон указал мне на стул, сам сел за стол, напротив.

— Вопросы?

— У матросов нет вопросов,— ответил я, не желая преждевременно, до реакции Ливика Генделиста, вмазываться в выяснение непонятных мне отношений.

— Тогда вопрос у меня. Почему Янат-Таня?

— По кочану! Слева направо — Янат, справа налево — Таня. Двойное имечко, для латышей — латышское, для русских — русское. Братство народов, пхай-пхай!

— А расшифровывается на еврейский лад?

— Я не шифровальщик. Я филолог. ЛГУ, отделение журналистики.

— Что ж, тогда проверим давление. Снимите пиджак. Заверните рукав рубашки. Так... Вот так... Молодцом.

Док охватил мне мышцу правой руки черной надувной повязкой, стал пальцами раз за разом давить на грушу и наблюдать за шкалой, по которой чуть ли не до верха резко подскочил ртутный шарик, чтобы потом плавно опуститься вниз, порывисто вздрагивая на двух отметинах: 110 и 70 .

— У меня зачастую чуть пониженное,— подсказал я врачу.

— С похмелья? Или от сгонки веса?

— И от сгонки тоже.

— Значит, кофе вам только на пользу. У меня растворимый. «Элит».

— Откуда? — удивился я, помня, что это — «посылочное» кофе в металлических баночках — большая редкость даже в Риге, и его можно достать только у евреев, имеющих родственников в Израиле. А их еще не сильно много.

— Оттуда,— невозмутимо ответил Эрих Эриксон.

— У меня там никого нет! — среагировал я совсем некстати. А в мозгу стрельнуло: «Не стукач ли?»

— И у меня. Но я не учусь читать справа налево.

— Вы — потомственный моряк. Читаете по звездам.

— А-а, и вы, значит, видели?

— Что?

— Летающие тарелки.

«Точно, и не просто стукач, а комитетчик! — поставил я диагноз.— Стасик ведь говорил, что никто о них не обмолвится на судне ни словом. Видел, не видел — главное — молчок! Иначе законопатят! А этот?..»

Я сделал постную физиономию.

— Какие тарелки?

— Те самые, что у нас по курсу из-под воды выскочили.

— Не видел.

— Так вот! Да будет вам известно, и Янат их не видела. А потом — бац! — и оказалась на борту одной из них.

— Вы меня за этим пригласили?

Эрих Эриксон разлил кофе.

— И за этим.

Затем нагнулся, вытащил из нижнего ящика стола фляжку с медицинским спиртом, плеснул по мензуркам.

— И за этим.

— А сухой закон?

— Вы все равно сегодня еще не сухой. С похмелья.

— Мокрый еще, совсем мокрый, как после тренировки.

— Тогда — «прозит»!

Мы глотнули в один прием, крикнули, запили кофейком. И меня как-то отпустило. Хрен его знает, может, и не стукач. Кто их разберет, этих заграничников? По одному их на берег в иностранном порту не отпускают. Ходят тройкой. А один из троих, пожалуй, и пишет рапортчики. В чужую шкуру не залезешь, а свою все равно не убежишь, сколько ни осторожничай. У тебя с «ними» всегда — первопуток, а у «них» с тобой иначе. У «них» всегда — тропа, проторенная предшественниками, освоенная на уроках психологии, изученная до каждого извива. Ты слышишь от постороннего человека об Израиле, инстинктивно определяешь его — «не свой», и сразу кидаешься в подозрения: не провоцирует ли? А он, поди, просто любопытствует. Может быть, и ему желательно выхватить хоть толику об этой загадочной стране, родине библейских пророков. Как никак, но в Шестидневной войне малышка эта разгромила самые мощные на Ближнем Востоке арабские армии, оснащенные, кстати, советским оружием. Да, но почему Эриха Владимировича понесло к летающим тарелкам? Знаком с тем выпуском «Советской молодежи» об НЛО над Сигулдой? Или кто-то стукнул, что я уже не первый раз встречаюсь с ними? Вот и вывел — это к смеху, конечно, — будто инопланетяне прилетают на связь со мной. Нет, не утрируй. Не своди свои дурацки к космической шпионмании! А то ведь с похмелья и впрямь водка по мозгам ударила. Тут что-то другое. Но что?

Вот это — «что?» — из меня и вывалилось невзначай.

— Что? — спросил я, чувствуя, как хмель катает меня уже в потных ладонях, и потянулся мензуркой за второй порцией спирта, который — хитрец! — имеет свойство оказывать с опозданием свое пагубное влияние на организм: чем больше жидкости в себя вольешь, хоть колодезную воду, тем сильнее окосеешь.

Судовой врач разлил по второй. Мы глотнули в один прием, крикнули, запили кофейком.

— Подозрения отпустили? — поинтересовался Эрих Эриксон.

С пьяной смелостью я ответил:

— Временно отпущены. Под подписку о неразглашении.

— Разглашения не будет. Должны понимать, при разглашении Янат спишут на берег. И — прощай море.

— Здесь она, понятно, нужнее, — сдохнул я.

— Ваше остроумие неуместно. Вы и не подозреваете: она действительно побывала там, — он показал пальцем на потолок. — И там с ней проделали какое-то медицинское чудо, не пойму — как и, главное, зачем. Вынули из нее зародыш ребенка, понимаете...

— Аборт?

— Если бы аборт... Нет, ничего в ней не вычищали. Я сейчас все проверил. А вы некстати все засвидетельствовали. Теперь мы повязаны... Узнают... Мне за проявленную самодеятельность и за недонесение тоже быть списанным и визы, пожалуй, больше не видать.

— Не узнают. Я из породы молчаливых.

— Это и видно. Тогда слушайте дальше. Не представляю — как, но там вынули плод, а это уже полностью сформировавшийся ребенок. Вынули, и все тут. Будто — там, — он опять показал на потолок, — они способны довести младенца до кондиции.

— Вырастить, — перехватил я, — и прислать к нам иноземного шпиона под видом человека.

Эрих Эриксон недовольно поморщился.

— Бросьте! Какой из вас майор Пронин? Все гораздо сложнее. У вас хоть есть какое-то представление, откуда они прилетают? Вы — журналист, с разными людьми общаетесь. С учеными мужами, полагаю, со степенью в области физики, астрономии.

— Представление у меня есть, — заверил я, готовый в «кирном» состоянии высказать свои революционные идеи. — Но прежде уясните простую истину.

— Попробую. Ну?

— Где мы находимся?

— В море.

— А под морем — что? Продолжение Сибирского кряжа. Многокилометровый подводный шельф. Миллионы лет он существовал прежде, в мире с динозаврами, над поверхностью моря. А потом опустился туда, к рыбам на дно.

— Вместе с динозаврами?

— А вы без иронии, Эрих Владимирович! Не только с динозаврами. Но и с людьми. Вы — что? — думаете за сто двадцать миллионов лет существования динозавров не появились в ту пору разумные человеки? Какая же после этого эволюция? Никакая! И Чарльза Дарвина следует перечеркнуть. А теперь задумаемся: когда появилось современное человечество? Всего каких-то шесть тысяч лет назад. Так?

— По Библии мы и от сотворения Вселенной далеко не ушли.

— Бросьте теперь вы городить чепуху, товарищ Эриксон! Человек, как разумное существо, развивается всего где-то шесть тысяч лет. Это и без Библии известно — ученые доказали! При этом только за последний век этот наш человек сумел из первых самолетов братьев Райт пересечь на спутники и шагнуть в космос. Теперь представьте себе, что у наших предшественников был хотя бы один полезный для развития ума миллион лет. Это из ста двадцати, положим, пещерных, не пригодных для разумного развития. А? Примите это за рабочую версию. И будьте уверены: они такие подземные ангары отгрохали до потопления на окраине Сибирского кряжа, что любодорого. И преисполненные комсомольского энтузиазма ушли под воду со всеми полезными ископаемыми, чтобы оттуда вылетать наружу и смотреть за нами, неумехами: правильным ли путем идут их товарищи по эволюции. А потом, когда убедятся...

— Продолжайте, продолжайте...

Но «продолжение» застряло у меня в горле. Оно выглядело «несъедобно», если предположить, что Эрих Эриксон примазан таки каким боком к скрытому племени комитетчиков.

— Давайте лучше еще по маленькой! — нашелся я.

— Еще по маленькой, а потом, дорогой мой человек, в «солому».

— Куда?

— Спать!

Мы глотнули в один прием, крякнули, запили кофейком.

— И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет, — затянул я, чтобы сбить судового врача со следа моей мысли, но не преуспел в этом. Он логически точно развернул мой намек во всю его опасную ширь.

— А потом, когда убедятся, что их товарищи по эволюции идут неправильным путем, заменят их так, что никто и подмены не углядит. Выведут новую породу...

— По образу и подобию нашего человека, — подсказал я, коль уже деваться было

некуда.— И отсель, от Старого Сибирского кряжа, вновь пойдет вперед человечество. Семимильными шагами — к новому светлому будущему.

— Русское по крови и существу? Это вы имеете в виду?

— Русское-русское, Эрих Владимирович Эриксон. Но с примесью динозавра. Раскосые глазки, знаете ли, зубастая пасть. К тому же неизвестно, какие алфавиты изучали они на дне морском. Может быть, подводным Марксом созданные... справа — налево, так сказать.

— Умно, но...

Тут мне вспомнилось, что о предстоящем спортивном матче мы и не упомянули.

— Товарищ Эриксон,— сказал я, поднимаясь со стула.— А где у вас тут боксерская груша к потолку подвешена? Обещали ведь показать...

— Дошли до кондиции?

— А что нам, малярам? Постоим за русскую землю! Давай сюда иноземцев с летающих тарелок!

— Пройдемте...

В приемном покое — палате на четыре койки, поставленные в два яруса,— Эрих Эриксон легким тычком заставил грушу, прикрепленную на электрошнуре вровень с его плечом, плавно ходить из стороны в сторону.

— Бей!

Я ударил и промахнулся.

— Бей! — повторил он.

Я ударил, и груша стала вертеться вокруг оси, как ужаленная. Видимо, задел ее лишь костяшками кулака, скользяще, по краю.

— Идите спать,— резюмировал доктор.— Вы еще не в форме, что и следовало доказать.

Я повернул на выход. Но он остановил, хватко взяв за локоть.

— Куда вы? Без пиджака? И в таком виде, с подвернутым рукавом? Заметят — доложат. А мы в море, у нас сухой закон. Ложитесь здесь.

— Но здесь Янат-Таня лежала,— заартачился я с «поддачи».

— А теперь полежите вы. И приснится вам...

Он не закончил. Но я уже точно знал, что мне приснится.

К слову, то самое и приснилось: летающие тарелки, выскакивающие из-под воды, с маленькими голубоглазыми и белобрысыми человечками, похожими на меня, как близнецы-братья.

13

В полночь я приволокся в свою каюту и застал Ливика Генделиста в каком-то помраченном состоянии. Локти на тумбочке, подбородок в ладонях. Полуодет — полураздет: кальсоны, тельняшка, морская курточка. Сидит на койке у ночника и долгим немигающим взглядом пялится на лампочку, будто это экран телевизора.

— А ты где пропал? — незряче посмотрел на меня.

И действительно натруженным глазам его я мог представиться форменным привидением.

— На летающей тарелке,— пошутил я.

Но мой приятель, стукнутый переживаниями, шутки не принял.

— И тебя тоже?

— Тоже,— брякнул я, не определяясь в ситуации.

— Оки-доки, материал на первую полосу! Пиши информ-бляшку,— вздохнул Ливик.

— Но ни одна редакция не примет.
— Ну да! Янатку утащили прямо из камбуза. И куда? В космос. Ребенка вынули, девку домой доставили, и сказали: «молчи!». Кто такое напечатает?
— И не поверит.
— А ты веришь? Ах, да! Ты сам был там. Был?
— Был!
— С ней встречался?
Я немного замялся. Подумал: «куда это Ливик клонит?»
— Нет, она лежала в женском отделении! — бухнул первое, что пришло в голову. Я обнял страдальца, по-приятельски похлопал по спине.— А сейчас в «солому», хватит дурака валять!
И, не раздеваясь, отвалил на подушку.
Последнее, что услышал, это скрип цепей.
— Якоря!
— Что, Ливик? — пробормотал я спросонья.
— Оки-доки. Якоря отдают. Североморск!

14

Танкер был «опечатан». На палубе краснофлотцы-автоматчики. На причале они же. Черные шинели, черные бушлаты, поперек — черные стволы АКМ.

Шла откачка топлива, доставленного «Юрмалой» в Североморск. Курить категорически запрещалось даже в отведенных прежде для этого местах. «Несанкционированное» передвижение членов экипажа во время разгрузки тоже не приветствовалось. Словом, «не высовывайся наружу — здоровее будешь» — превратилось из анекдота в правило поведения.

Мне оставалось бы лицезреть постную физиономию Ливика Генделиста до самого вечера, если... Но тут раздался стук в дверь, и Ливик весомо сказал:

— Войдите!

На пороге показался вестовой — мичман-сверхсрочник. В черной шинели, черной фуражке, с черной кобурой от «Макарова» на поясе.

Вспомнились стихи Есенина о черном человеке.

Моряк лихо вскинул руку к козырьку.

— Разрешите доложить. Машина подана.

— Оки-доки, ждите на причале. Сейчас будем,— барственно ответил с койки Ливик Генделист.

— Вы не один?

— Доложите командованию. Со мной паразит.

Я с недопониманием взглянул на мичмана.

Мичман с полным пониманием происходящего кивнул:

— Есть доложить, пропуск на двух человек.

— Не забудьте вписать в пропуск: «маэстро Ливий и личный его паразит».

— Так точно! Разрешите идти, товарищ маэстро?

— Свободны.

Мичман отдал честь, развернулся и был таков. Я же с новым интересом посмотрел на Ливика Генделиста. Как воспринимать подобное хамство? То он канает под Пушкина и пишет стихи, которым вредные критики выдергивают ручки и ножки на полпути к печатному станку. То превращается в боксера и вешает на уши доверчивых слушателей, что он уже первозрядник и готов — пусть кровь из носа! — постоять за честь любимого судна. То, совсем уже не к месту, зная несколько гитарных

аккордов, обзаводится прозвищем Раймонда Паулса «маэстро» и переименовывается из зарегистрированного в ЗАГСе Лива в римского патриция Ливия.

Не соскучишься.

— Ливик! Что за концерт? — обратился я к мастеру на все руки, когда он, нырнув под кровать, вытащил увесистую сумку с накрахмаленным колпаком повара из фешенебельного ресторана. — Куда ты собрался?

— Ты со мной разве не пойдешь?

— С тобой можно и на край света, хотя ты не женщина.

— Забудь французское — «ищите женщину»! Моя женщина... Пойми, я и сам в удрученном состоянии и трагедийных чувствах. Но актер, и при личной трагедии, должен соответствовать роли.

— Не подскажешь, какой?

— По договоренности, я им устраиваю оргию в порту.

— Что? Что? — обалдел я.

— А, испугался за моральный облик? Не пугайся. Лучше вернись на первый курс своего «универа» и навались на античную литературу.

— У меня по Гомеру пятерка. Уж кто-кто, а Лея Черфас за просто «хорошо живешь» пятак не поставит.

— Но то по Гомеру. Родственная душа! А по Вергилию? Апулею с его «Золотым ослом»? В Риме побывать слабо? Забыл? Оргия у римлян — это никакой тебе не свальный грех, а простая обжираловка. Дошло?

— Ладно тебе, Ливик. Уже уел меня!

— Ам-ам, вкусно нам! — Ливик повторил мою шутку и сделал вид, что облизнулся. — Соглашаешься быть моим паразитом?

Что за подвох? Я напряг память: что-то вспоминалось, но толком так ничего и не восстанавливалось.

— Оки-доки! Не мучайся. Вот тебе мой конспект. Хоть я и не ходил твоими коридорами по «универу», но знаю не меньше. — Ливик вытащил из сумки общую тетрадь в коленкоровом переплете. — Тут как раз все по кулинарной теме. Страница пять. Читай: информ—бляшка первый сорт!

Я прочел: «В Древней Греции любили устраивать обеды в складчину. Составлялись списки приглашенных в гости. Каждый из них имел право привести с собой кого-либо из приятелей, но только человека мужского пола. Вот этого, незваного распорядителями на пир, и называли — «паразит» — все остальные античные гости. (Не античные отдали дань современности и переименовали его на русский манер «паразитом».)

— Теперь понял, кем ты будешь на нашей оргии?

— Оргия и без баб?

— Раз-цвай-драй — бабы-выпивка-курение — все официально под запретом. Район взрывоопасный.

— А бабы при чем?

— При том! Бабы — мины замедленного действия.

— Тебе что за выгода во всей этой истории?

— Товарообмен! На уровне командования! Я им — оргию-деликатес, они мне — два ящика тушенки. Вот и будут у нас макароны по-флотски. А то, сам видишь, борщ да борщ — кругом.

— Мы бросаем в свой животик все, что скушать хочется. У них — что? — некому сготовить макароны по-флотски?

— Опять — двадцать пять! Макаронами они объелись. Я же говорю, товарообмен! На уровне командования! Они нам — тушенку, я им — деликатес под видом

древнеримской оргии. Любопытно, знаете ли, отведают то, что уже не подают к столу две тысячи лет.

— Что именно?

— Страница четвертая! Читай!

Я прочел: «В Древнем Риме существовало определенное представление о полноценном обеде с изобилием блюд. Назывался он — «Цена». Может быть, оттуда у легионеров и пошла строчка: «Мы за ценой не постоим». Состоял обед из закуски, основного угощения и десерта. Все в больших количествах. В качестве закуски подавали салат, яйца, рыбу под пикантным соусом. На второе — горячие блюда: мясо, курица, рыба, запеченная в тесте, различные морепродукты. В качестве десерта — печенье, соки. Но основное достоинство стола заключалось в умелом использовании приправ и пряностей, таких, как оливковое масло из Палестины, уксус, соль, перец, зелень майорана из Сицилии, семена аниса, укропа из Греции, тмин из Карики, сельдерей и петрушка из Македонии, тимьян из Фракии, имбирь и корица из Индии...».

— У тебя все это есть? — удивился я.

— Названия! И пакетики! — Ливик потряс сумкой, вызвав струнный перезвон, нахлобучил колпак, посмотрел в иллюминатор на «погоду». — Не замерзну, — проворчал с некоторым удовлетворением и повернулся ко мне. — Собирайся, друг-человек и «парасит» впридачу. Время пошло.

По трапу мы спустились на причал, сели в военный газон: мичман впереди, рядом с водителем, я с Ливиком и его пахучей сумкой сзади.

— Полный вперед! — скомандовал мичман, и машина тронулась.

Два-три часа — вот тот срок, на который судовой кок Ливик Генделист переквалифицировался в маэстро Ливия. И следует сказать, это получилось у него превосходно. Полуметровый накрахмаленный колпак возвышал его над всеми людьми из приданной ему в подчинение поварской команды. Маленький Ливик был вровень с высокими по званию офицерами флота, собравшимися на оргию. Среди них — капитан, два кавторанга, три капитан-лейтенанта и «наш» мичман. Разумеется, никто не представлялся. Так что ни фамилий, ни имен. Но скушано было!.. И с какой подачей! Маэстро Ливий организовал подачу блюд, как, наверное, это делалось в Кремле, в довоенную пору, когда Хрущев под дирижерскую палочку товарища Сталина отплясывал гопака на паркетной плитке, выложенной при царе Иване Грозном.

Вынося во главе белых фартуков и колпаков Верховное блюдо на праздничное застолье, Ливик с оглядкой на мое чувство юмора, несколько подпорченное обилием черных, как столовый перец, кителей, провозгласил:

— Кушанье римских легионеров подано к столетию со дня рождения Ленина!

— В какое время жуем! — воскликнул мичман и, встав по стойке «смирно», отдал честь главнокомандующему поварской бригады.

15

Опять мы в открытом море. Тихое урчание двигателя, подрагивание переборок, плеск волн. Я еще не поднялся с койки. Сонливое состояние не отпускает. Хочется еще разок потянуться, зевнуть раз-другой. Но стук в дверь, и высовывайся из-под одеяла, поспешно влезай в пиджак, брюки, туфли...

— Кто там?

— Вестовой. Разрешите войти?

— Входите, не заперто.

В каюту вошел парень приблизительно моего роста, но шире в плечах и корпусе.

— Вам пакет.

— От кого? — недоуменно спросил я.

— Первый помощник капитана распорядился.

— По какому случаю?

— В Североморске нас догнала почта. А там журнал с вашей статьей.

— Какой журнал?

— Московский. «Вымпел». Три штуки. Вот Яков Иванович и распорядился. Один в кают-компанию, один в судовую библиотеку и один вам — лично в руки.

— Расписаться? — насмешливо поинтересовался я.

— Расписки не требуется. У нас все на полном доверии.

— Тогда гуляйте!

Вестовой — по выправке чувствовалось, что он недавно из армии — козырнул мне двумя пальцами. Но не покинул каюту.

— Разрешите вопрос.

— Спрашивайте.

— Я слышал, вы набираете команду боксеров.

— А вы — что? Боксировали?

— Первый полусредний вес. Третий призер первенства города Балтийска.

— Когда?

— Год назад, когда служил там на флоте.

— Земеля, значит...

— То есть?

— Калининградская область. Вы в Балтийске. Я в Калининграде. Между нами даже матчевые встречи проходили. Пилотки против бескозырок. Но что-то вас не припомню.

— Опоздал родиться.

— Что?

— Просто позже призывался. А вообще я приметный. У меня такая конфигурация в имени — отчестве — фамилии, что любой приметит и запомнит.

— А ну?

— Константин Григорьевич Бровиков.

— И что?

— А то! В итоге по первоначальным буквам — КГБ.

— Боятся?

— На судейскую коллегия действует. Опасаются засудить.

— И как же вы им свои опознавательные знаки выкладываете?

— На взвешивании, при предъявлении паспорта. Не засудят и здесь. Моржовый край, а понятия столичные.

— Поспарринговать не хотите?

— Это можно. У меня и перчатки имеются.

— А где? — я оглядел каюту, поморщился.

— Здесь тесно, — согласно кивнул матрос. — Но я слышал, что вы вызвались на мойку танка, то есть трюма. Там можно и побоксировать.

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

НОЧИ ДИАНЫ
(из книги **Побережье наших грез**)
(главы из повести)

Наши постоянные авторы.

История вторая **Вишневое варенье с капелькой дождя**

МЫС

5. Рубина

Мозаика на стене детского отделения была незатейливой — мама вела маленькую дочку в школу. На девочке школьная форма и огромные белые банты. У мамы желтый плащ и кошмарные красные сапоги. Кто-то из детей умудрился отколоть маленький камушек, как раз в том месте, где у мамы были губы. Теперь, отныне и навеки, мамина улыбка превратилась в злобный оскал.

Яна любила рассматривать это мозаичное изображение. Она садилась на подоконник и разглядывала желтый мамин плащ, невероятные сапоги и «загадочную улыбку». При этом мысли ее были далеко за пределами детского дома, в том неопределенном будущем, которое для Яны было давно определено как совершенно невозможное. Будущее имело вид маленькой однокомнатной квартиры, в которой она жила со своей дочкой. Девочкой, которая походила на ту — в маленьком мозаичном мире. А квартира напоминала квартиру Анастасии Сергеевны — старшей воспитательницы. Яне однажды посчастливилось быть у нее в гостях.

Двухэтажный детский дом ничем не отличался от множества таких же детских домов, с прохладными коридорами, лестничными пролетами, общими туалетами, пахнущими хлоркой, и добрыми нянечками, спящими повсюду со своими швабрами. На первом этаже были устроены классы, столовая, и актовый зал. Второй поделен на два отделения — для младших и старших. Здесь было уютнее, и даже коридоры казались теплее.

Рядом со здоровыми детьми жили и больные, и разницы для них не существовало. Если кто-нибудь заходил в истерику, бился об пол, его просто старались успокоить, потом чем-нибудь отвлечь. У детей были свои, выработанные ими методы, и они редко звали взрослых на помощь. Такая жизнь казалась им нормальной, и ничего необычного они в этом не видели. Все новички быстро к этому привыкали. Так что жизнь в детском доме была вполне сложившейся и спокойной.

В старшем отделении, среди девочек, существовала негласная игра. Каждая выбирала себе мальчика из младшей группы и старалась за ним ухаживать, словно за

своим ребенком. Маленькие детишки с радостью принимали участие в такой игре, порою даже происходили мелкие ссоры из-за дележа «мам».

Ее привезли поздно ночью, и только утром в столовой Яна увидела как воспитательница из младшей группы привела за руку маленькую девочку. Усадила за стол. Девочка была очень напряжена и, в отличие от остальных детей, не принималась за завтрак. Сложив худенькие ручки на коленях, она уставилась пустыми, карими глазами в тарелку с рисовой кашей. Пришлось воспитательнице накормить ее самой.

На летние каникулы детей отправляли партиями, по очереди, в лагеря и санатории. Яна обычно ездила в санаторий во второй половине лета. Сейчас был июнь, так что приходилось скучать без друзей, которых уже увезли.

Как-то раз Яна, слоняясь по пустынному коридору, услышала разговор Анастасии Сергеевны и медсестры.

— Девочка с явно выраженной дистрофией, — тихо говорила медсестра Вера Ивановна. — Я считаю, ни о какой школе не может быть и речи.

— Мы могли бы ее определить в спецгруппу, — настаивала Анастасия Сергеевна.

— Не знаю, стоит ли. Такие дети, обычно, с каждым годом деградируют все больше. Доживают лет до восемнадцати, а бывает и раньше... А девочке уже десять лет, а выглядит пятилетним ребенком.

От услышанных слов тело Яны покрылось мурашками. «Неужели ей десять лет! Она же совсем еще как ребенок!»

Дождь лил уже четвертый день, наполняя сумерками и скукой пустые коридоры. Читать Яне не хотелось, рисовать тоже, да и лучшая подруга Юля, с которой Яна любила вместе рисовать, была отправлена в санаторий. Сколько девочки ни просили директора, чтобы он посылал их вместе, ничего из этого не вышло. Вообще, июнь Яне не нравился. Она читала в своей комнате или слонялась по коридорам, и однажды заметила, что у ее любимого окна кто-то стоит. Явно кто-то из малышек. Погода была пасмурной, и поэтому Яна не сразу разглядела. Это была та самая девочка. Маленькая, стриженная под «ежик» головка и огромные темные глаза. Только глаза эти смотрели в никуда. И в тоже время в них затаилась печаль. Печаль такая робкая, пуганная, затерянная внутри маленького, щупленького тельца.

Санька села на подоконник рядом с девочкой и улыбнулась.

— Тебе нравится эта мозаика? — показала она на стену.

Девочка не ответила. Она даже не посмотрела в ее сторону. Она вздохнула и пошла по коридору прочь от Яны.

Дождь все еще лил, а Яна все сидела на подоконнике, разглядывая мозаику.

«Как там Юлька? Ей, небось, весело сейчас. Хотя, я точно знаю, она скучает по мне. Я ей еще одно письмо напишу. Вот она удивится, когда сразу два письма придут».

— Ну, что, Яночка, скучаешь?

Нянечка, тетя Нина, протирали пол в коридоре.

— Угу.

— Да ты, доченька, не скучай, скоро месяц кончится, в лагерь поедешь. Небось, жениха найдешь! — отирая пот со лба и подмигивая, произнесла тетя Нина.

— Вот еще! — резко сказала Яна. — ...Тетьнин, а вы знаете, как ту новенькую, маленькую девочку зовут?

— А, так это цыганочка у нас, Рубина. Красивенькая такая, глазки то какие. Как камни драгоценные! А вот здоровья-то Бог не дал.

— А что с ней?

— Кто ее знает? Я не доктор, но скажу так — или мать ейная совсем дуреха, или я даже не знаю что...

— Как это — «дуреха»?

— Ну, родила ребятенка, таскала в подоле, вроде кормила, а вот только любить

забыла. А она то, Рубина, без любви и заболела. Это я вот так считаю. А по наученному, это ты у Веры Ивановны спроси. Тут я тебе ничего не скажу.

Однажды, встретив маленькую девочку в коридоре, Яна взяла ее за руку и пристально посмотрела в глаза,— Рубина, теперь я буду твоей мамой. Поняла? Мы будем вместе, я гулять с тобой буду, книжки читать... И кормить тоже буду.

Рубина ходила за Яной словно хвостик. Куда бы та ни пошла, всюду за ней следовала малышка. Яна брала девочку за руку и ощущала прохладную немощь маленькой, хрупкой ладошки. И в то же время немощь ее была внутренне цепкой, неприкрыто доверчивой. Яна ловила себя на мысли, что пугается этой доверчивости.

Дожди кончились, засветило солнце, и теперь девочки выходили во двор. В библиотеке Яна набрала множество разных сказок с красочными картинками. Она усаживала свою «дочку» в беседке и до самого обеда читала ей сказки.

Однажды Яна, читая очередную сказку, взглянула на сидящую рядом Рубину и удивилась. Взгляд девочки как будто бы ожил, хотя казался отсутствующим. Яна готова была поклясться чем угодно, что мысли девочки были в той сказочной стране, о которой она слушала. Игрушечная мама обняла свою игрушечную дочку и поцеловала в носик. Рубина разжала нервно сцепленные пальчики и положила ладошки на руки Яны.

— Яна, зайди ко мне в кабинет, я должна с тобой поговорить.

Вера Ивановна положила руку на плечо Яны и повела в медпункт.

— Ты уже взрослая девочка, поэтому позволь мне говорить с тобой откровенно.

Медсестра усадила ее на стул, а сама села напротив за письменный стол.

— Я давно наблюдаю за вашими играми в дочки-матери. Поначалу все это казалось забавным, и даже помогало воспитателям. Вы молодцы, ухаживаете за малышами, одеваете их, гуляете вместе. Все это очень хорошо. Но скажи мне, зачем вы просите, чтобы они звали вас мамами?

Яна не знала, что ответить. Она никогда не задумывалась над этим.

— Просто это такая игра,— ответила она тихо.

— Девочка моя, с этим играть нельзя. Ты должна понять это раз и навсегда. Я не собираюсь тебе читать лекцию, но ты должна обещать мне. ...Обещаешь?

Яна, опустив голову, упрямо молчала.

На следующий день Яна захватила с собой альбом и разноцветные фломастеры. Выйдя из здания детского дома во двор, она обнаружила Рубину на лавочке у мозаики. Та ждала ее, нервно сжав крошечные кулачки. Яна подошла к девочке, и та, неожиданно протянув ручку, доверчиво взяла ее за руку. Прохладная ладошка крепко сжала руку двенадцатилетней девочки.

Яна шла со своей «дочкой» по зеленой аллее. Гравий дорожки шуршал под босоножками. Рядом с ней шагали маленькие детские ножки. И вдруг Яне стало страшно. Мозаичная картина на стене детского отделения ярко и неожиданно возникла в ее памяти.

«Словно я настоящая мама, веду дочку в школу».

«Ты уже взрослая девочка. С этим нельзя играть».

Последняя неделя перед отъездом в лагерь тянулась ужасно долго. Яна не выходила из спальни. Она много рисовала и читала. Вернее, делала вид для взрослых. К ней не приставали с расспросами. На самом деле Яна просто боялась встречаться с Рубиной. Она боялась ее последнего взгляда, боялась ее доверчивой ладошки, сжатой в ее руке. Задавать себе вопрос «зачем?» она тоже боялась.

«Пусть только эта неделя пройдет, а там и в лагерь». Успокаивала она себя.

Июль пролетел незаметно. Лагерь, костры у реки, интересные поездки... Все это

позади. И вот снова перед ней знакомые зеленые стены и поколупленная мозаика на стене. Наконец-то август, и теперь они снова вместе с Юлькой.

Встреча их была бурной, радостной и веселой. Рассказы не прекращались до поздней ночи. Девочки сдвинули свои кровати изголовьями, и рассказывали друг другу о летних приключениях. Яна позабыла маленькую Рубину. Она просто выбросила из головы воспоминания о нелюбимом июне.

Однажды к Юльке приехала бабушка и забрала ее к себе на выходные. И снова начались холодные дожди. Отвратительная погода и одиночество злили Яну. Ноги сами привели ее в детское отделение. Было время тихого часа, широкий коридор пуст за исключением подоконника. Рубина, по-прежнему маленькая и хрупкая, с коротко стриженной головкой, стояла у окна и смотрела на мозаику. Вдруг она заметила стоящую в глубине коридора Яну.

— Мама, ты пришла!

Звонкий голосок пронзительно зазвучал в тишине. Девочка отбежала от окна и бросилась к Яне. Добежав до нее, Рубина крепко обняла свою «мамочку». Яна молча положила свои ладони на голову девочки, а взгляд ее был устремлен на мозаичное чудовище в желтом плаще и красных сапогах.

6. Снова вместе

— Ну, вы и сони! Девочки, рыба уже почти готова. Сейчас буду варить кофе.

Диана подняла полог над катамараном и оглянулась на полусонную Яну.

— Янка, наши уже рыбу жарят. Чуешь запах?

— А говорили, что со мной будут ловить!..

— Мы ловим с самого утра,— помахал им от костра рукой Михаил.— Вы так крепко спали, что не стал вас будить. Намаялись. Ничего, зато все готово.

— Мы сейчас, только умоемся и себя в порядок приведем. Вставай, Янка!

Пропали ночные тени, исчезли ночные страхи. Утреннее солнце озаряет все вокруг. Ветви ели, склоненной над водой, слегка покачиваются на легком ветерке и едва касаются зеркальной поверхности реки. Тишина, покой и стрекот кузнечиков в разогретой солнцем траве. В голубом небе, над их головами, замерли размытые ветром перья белых облаков.

— Так, попробуйте рыбку! Всем угощайтесь, что видите. Денис, вот кофейник, организуй водичку, сейчас кофе сварим,— сказал Михаил, подбрасывая сучья в огонь.— Сегодня участок будет посложнее. Будут пороги, примерно такие, Диана, как ты уже видела. Просто их будет больше. Как и вчера, проходим между камнями. В одном месте надо быть особо внимательными. Яна, ты у нас будешь с картой. Мы сейчас здесь, смотри за поворотами реки. Вот, за этим поворотом, до него часа два, будет метровый водяной скат. Как мне говорили, на скорости через него перескакивают. Некоторые, конечно, и обходят. А что мы будем делать? — спросила Диана.

— У меня предложение — обойти,— тихо произнесла Яна.— Если, конечно, вы не против.

— А мы не будем спешить,— успокоил ее Михаил.— Подойдем к берегу, посмотрим, что за скат... Обходить — это значит катамаран разбирать. Увидим, короче.

— А что за скат? — поинтересовалась Диана.

— Что-то вроде плотины небольшой. Перепад в уровнях воды. Самое главное там скорость набрать, чтобы подальше приземлиться. Там, понимаешь, обратное течение образуется, под скат затягивает. Так что после перескока грести тоже надо изо всех сил. Но ничего. Я посмотрю и там решим. Если что, Яна, мы тебя высадим, а

потом заберем. Можно и так. В крайнем случае, перенесем катамаран. С вами, конечно, не буду рисковать.

— Все будет хорошо, Янка! — повернулась к ней Диана.— Попробуй рыбу. Вкусная!..

— Сейчас и кофе закипит,— Михаил укрепил кофейник над огнем.— Яна, что— то рыбка не очень... Костлявая?

— Есть немного.

— Тогда сыр, ветчину бери... А вот и кофе.

Со стороны реки послышались голоса. Два катамарана показались из под ветвей ели и неспешно проплыли мимо.

— Все нормально? — донеслось с катамаранов.— Помощь не нужна?

— Все хорошо! — крикнул им Михаил.

— Вы не налетели там на те сучья на повороте?

— Налетели. Три дырки заклеивал.

— Вот, и мы тоже.

На катамаранах заработали веслами, и они скрылись из виду.

— Слава Богу,— сказал Михаил.— Не одни мы такие. Сегодня зевать нельзя. Но зато будет что вспомнить!.. А, Яна?.. Ты становишься настоящим путешественником!

— Да чего я там!.. Лежу себе, как рюкзак, сзади.

— Сегодня ты нас по карте ведешь. У тебя роль ответственная.

— Да мы там запросто перескочим,— уверил Денис.— Что мы, хуже других?..

Пороги начались постепенно. Сначала гладкая поверхность реки лишь кое-где вспенивалась на выступающих из воды камнях, и они просто обходили эти места. Но через полчаса все вокруг них словно закипело. Шум плеска воды перекрывал все другие звуки. Катамаран огибал выступающие камни, проходил между ними. Иногда было слышно, как резина гондол шипит на гладких камнях, под набравшим скоростью катамараном.

— Яна, не хочешь тоже погрести? — крикнул ей Михаил.— Весло очень легкое, только не урони его за борт.

Яна посмотрела на желтое, пластиковое весло, лежавшее рядом с ней, но только еще крепче ухватилась за поручни. «Не буду и пробовать,— подумала она.— Не хватало, еще весло потерять».

Диана сопровождала визгом особо крутые виражи и все оглядывалась на Яну, словно желая убедиться, что та на месте.

— Яна, какой уже поворот? — кричит ей Михаил.

— Кажется, третий...

— Как, «кажется»... Их же четыре было. А, Денис?..

— Сейчас пятый будет.

— Давайте-ка к берегу. Разберемся сейчас.

— А на берегу опять эти острые ветки. Сплошной лесоповал,— отвечает Диана.

— Сразу за поворотом ищем место, где пристать,— командует Михаил.— Где-то здесь должен быть тот водный скат.

Набравший скорость катамаран чуть заносит на повороте реки, и все видят на ставшей снова ровной поверхности воды преграждающую им путь пенную линию речного перепада, растянувшуюся от одного берега до другого.

— Все нормально,— кричит Михаил,— набираем скорость. Денис, Диана, изо всех сил!.. Надо перелететь, как можно дальше! Яна, держись!..

Диана мельком оглянулась на Яну и вместе с Денисом начала яростно грести. Она ясно почувствовала, что это — кульминация всего их пути, и теперь надо отдать все свои силы. Катамаран набрал огромную скорость. Он шел прямо по середине ре-

ки, пенная преграда была все ближе. За ней уровень реки был гораздо ниже. Диане стало не по себе, когда она увидела смещение уровней. Ей показалось, что там побольше метра будет. А как же там Янка? Но не было никакой возможности оглянуться. Диана смогла крикнуть:

— Янка, держись!

И, увидев линию перепада воды прямо перед катамараном, она сделала взмах веслом и вложила в него все свои силы.

Река словно выстрелила катамараном на перекате воды. Он пролетел в воздухе несколько метров и с громким хлопком плашмя упал в воду. Она бушевала вокруг них, а сзади, с грохотом, падала стена воды. Среди плеска, пены и брызг катамаран стоял на месте!.. Михаил, Денис и Диана отчаянно гребли, но им казалось, что они движутся назад, к водовороту, под стеной падающей воды.

Яна никогда еще не испытывала такого страха. Это был даже не страх, а паническое осознание, что надвигается что-то ужасное. Она оглянулась и увидела камень речного перепада совсем рядом. Снова посмотрела вперед. Диана, Денис, Михаил — все яростно работают веслами. Не понимая, что она делает, Яна, машинально, встала на колени, схватила пластиковое весло и, упершись им в камень ската, навалилась на него грудью.

— Идем!..— закричала Диана.

И катамаран, словно оборвались пути, державшие его на месте, резко устремился вперед, все больше и больше набирая скорость, а Яна, потеряв равновесие, упала на дно катамарана, больно ударившись лбом о какую-то планку.

Дианка и Денис стукнули в воздухе ладонями.

— Яна,— радостно кричал Михаил,— ты сегодня герой! Ребята, если бы не она... А весло, кажется, унесло? Ну и... ладно... Зато мы сделали это! Девчонки, вы прошли самый сложный участок. Если бы вы знали, сколько людей здесь пасуют и переносят катамараны!

Яна без сил лежала позади катамарана на рюкзаках и потирала лоб. Лицо ее было обращено к небу. Она ни о чем не могла думать, а только смотрела на облака, на птиц в небе и чувствовала на лице тепло солнечного света.

...Через час пути снова пристали к берегу. Михаил взял Яну на руки и поднялся с ней по травянистому откосу, на вершине которого пролегалo шоссе. Машин не было видно. За дорогой простиралось огромное поле, а на горизонте тянулась полоска далекого леса.

Здесь, на шоссе, высоко над рекой, видя лежащий далеко внизу на песке катамаран, они распрощались с Михаилом и Денисом. Денис сразу побежал вниз к воде, а Михаил чуть задержался.

— Ты в порядке? — наклонился он к сидящей на траве Яне и осторожно пригладил края пластыря на ее лбу.

— Все хорошо... Только вот весло потеряла.

— Забудь. Это ерунда. Сегодня твой вклад был решающим. Не могу даже представить, что было бы, если бы не ты.

Он обнял Яну и, поднявшись, протянул руку Диане.

— Буду следить за твоими книгами,— сказал он.— А как тебя звать полностью? Ну, чтобы книжку найти.

— Диана Асарова.

— Запомню. Ну, всего вам, девочки!.. Вы уверены, что мы в правильном месте остановились?

— Да, вон мельница, про которую Ник говорил.

— Тогда удачи!

Михаил стал быстро спускаться по травяному откосу к реке. Диана с Яной помачали им рукой, когда катамаран отошел от берега и, подхваченный течением, скрылся за деревьями.

— Все, Янка! — опустилась на траву Диана.— Сейчас хочется просто лежать и не шевелиться. Даже язык у меня не шевелится... И даже... мыслей никаких нет...

— Дианка, совсем мы варенье с тобой забросили!

— Ничего, может оно у нас того, настаивается. Глядишь, новый рецепт открыли. Знаешь, как в старинных рецептах писали. Повари вишню в сахаре пять минут, а потом три дня не подходи. Пусть настаивается в собственном соку. Оттого ягоды крепче станут, и прозрачнее. И будет тебе на зиму радость летняя...

— Я уже мечтаю попробовать. Так вкусно ты придумала. Давай ребятам звонить! — предложила Яна.

— Да. Надо звонить.

Диана достала из сумочки телефон и набрала номер.

— Ник! — сказала она бессильным голосом.— Скорее подбирайте нас. Мы тут валяемся на краю дороги. Лежим бездыханные. Потом все расскажем. Вы не поверите, какие у нас были приключения!.. Да, мы тут, где мельница. Чуть не доезжая до нее. Мы видим мельницу отсюда. Отлично!.. Ждем!

Диана отбила звонок, обернулась к Яне, чтобы что-то сказать, и замолчала. Яна сама поднялась с земли и стояла перед ней, заслоняя собой солнце.

— Дианка,— прошептала Яна едва слышно,— я как-то по-другому себя чувствую. Я сама сейчас встала.

— Хорошо... Пройди немного.

Яна сделала несколько шагов и, от шага к шагу, ее движения становились все более уверенными. Она оглянулась на Диану.

— Мне кажется, я увереннее могу идти.

Диана ничего не ответила. Она внимательно смотрела на Яну, на то, как та шаг за шагом отходит от нее по дороге.

— Они приедут оттуда,— показала Диана.— Хочешь, пойди им на встречу. Они уже близко.

— Я пойду,— сказала Яна и улыбнулась Диане.— Вот будет Женьке сюрприз!..

— Да. Только иди по краю. Будь осторожна. Тут все же ходят машины.

Яна шла по дороге. Как давно она не чувствовала свое тело таким сильным! Неужели эта встряска так подействовала на нее? Боже, какое чудо! Я иду сама! — шептала Яна.

Она смотрела на свою тень на дороге, на раскаленный от жары асфальт. Он казался мягким. Она шла и шла вперед. Мимо проносились редкие машины и, когда стихал шум моторов, до нее доносилось пение какой-то птицы в поле. Иногда птица поднималась над землей и, сделав несколько кругов, снова садилась среди колосьев.

Яна оглянулась назад, но не увидела Диану. Та была скрыта кустами на краю дороги.

И тут Яна услышала шум машины. Она знала этот звук, и улыбнулась, услышав его. Закрыла глаза и подумала, что, если, досчитав до десяти, открыв глаза, она увидит их, то все в жизни будет хорошо. С закрытыми глазами Яна стояла на краю дороги и считала про себя, слыша пение птицы, свое дыхание и скрип щебенки под ногами... И когда на счет десять открыла глаза, увидела, что все в жизни будет хорошо. И все они будут счастливы.

Рагим Мусаев
(г. Тула)

500-летию тульского кремля
ЭПОЛЕТЫ ДЛЯ ГУБЕРНАТОРА

Музыкальная комедия в 3 картинах
на основе реальных событий

Писатель, драматург. Член Академии российской литературы, белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Родился в г. Богородицке Тульской обл. Окончил Юридический институт МВД РФ, Московский университет им. С. Ю. Витте. Нач. отдела анализа и контроля СУ УМВД России по Тульской обл., подполковник юстиции. В России и ряде стран — более двадцати постановок в театрах и множество публикаций в журналах. Лауреат международных и российских литературных конкурсов. Победитель Всероссийского конкурса на лучшее произведение о работе следователя («Журналистика и литературная публицистика» (2011 г.)). Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и других премий. Постоянный автор нашего журнала.

Действующие лица:

Аннушка,
будущая актриса

Степаньч,
ее отец, оружейный мастер

Ерошка,
молодой мастер

Екатерина II,
*императрица всероссийская, 58 лет**

Кречетников Михаил Никитич,
тульский генерал-губернатор, 58 лет

Вельяминова Наталья Афанасьевна,
его фаворитка, 31 год

Болотов Андрей Тимофеевич,
управитель императорских имений, 49 лет

Василий Рыкалов,
комик

Трофим Константинов,
трагик

* Возраст реальных прототипов героев на момент описываемых событий не принципиален для пьесы.

а также
мастеровые, туляки и гости

*Действие в тульском кремле:
кремлевские стены и башни, колокольня с часами.
Июнь 1787 года.*

КАРТИНА I.

Явление 1.
*Мастеровые наводят красоту:
метут площадь, тащат доски, расставляют горшки с цветами.*

Две руки да две ноги,
Ноги в руки — и беги!
А о том, чтоб отдохнуть
Даже думать не могли!
По полям да по лесам,
Застреляв тут и там,
Тульских пряников поесть
Едут, едут гости к нам!
Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Туле эту ночь не спать —
Самовары начищать!
Это вам не просто так —
Государыню встречать!
Нынче полон рот забот:
Вымыть, что не мылось год,
Починить, прибить, полить,—
Тула наша расцветет!
Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

*Мастеровые расходятся.
Появляются Ерощка и Аннушка.*

Аннушка. Ерощка!
Ерощка (*радостно*). Аннушка!

Аннушка. Куда пропал?

Ерошка (*опомнившись*). Работы много...

Аннушка. Так много, что и взглянуть на меня некогда?

Ерошка. Третьего дня посмотрелся. Спина до сих пор не зажила.

Аннушка. Да ты никак батюшки испугался? А как же любовь?

Ерошка. Любовь любовью. Только отец твой, если нас вместе еще увидит, обещал меня обратно в черные работы сослать. А я мастером стать хочу, понимаешь? Мне уже механизмы доверяют...

Аннушка. Вот с ними и обнимайся, коли они тебе меня дороже.

Ерошка. Не дороже! Да пойми ты...

Аннушка. Опозорил на всю округу. Все же знают, что мы целовались уже.

Ерошка. Откуда?

Аннушка. Машка растрепала.

Ерошка. А она откуда знает? Мы ж вдвоем были...

Аннушка. Я рассказала. Я думала ты... А ты... Ты...

Ерошка. Ну что ты... Аннушка... Хорошая моя... Любимая...

Появляются мастеровые.

Мастеровой 1. Ты гляди, что творится!

Мастеровой 2. Эх, Степаныч вас не видит.

Мастеровой 3. Позвать, что ли...

Аннушка убегает.

Ерошка. Только скажите Степанычу, я вам...

Мастеровой 1. Что? Что ты нам?

Мастеровой 2. Давно ли сам с нами станки драил да мусор таскал?

Мастеровой 3. Он теперь не такой! Это мы люди крепостные, бесправные, нас в любую работу засунь.

Мастеровой 4. Мы и рта открыть не смеем, ибо наукам не обучены.

Мастеровой 5. Он в подмастерья выбился! Уже нос задрал? Мастером себя чувствуешь?

Ерошка. А меня кто учил? Где подсмотрел, где спросил, где сам додумал... Так и пошло. Да и какой там нос. И мастером не стану, и Аннушку потеряю...

Мастеровой 1. Да ладно тебе, образуется еще. Степаныч же сам из простых в мастера вышел. И сам дочку мастера сосватал.

Ерошка. Да ладно!

Мастеровой 2. А ты не знал?

Мастеровой 3. Ты это Степанычу и напомни.

Мастеровой 4. Ага, а мы по тебе панихиду в заводской церкви закажем.

Ерошка. В заводской церкви? Можно и в заводской. Только там не одну панихиду служить умеют!

Появляется Степаныч.

Степаныч. По ком панихиду служим? По тебе, беспарточник? Спина не зажила?

Ерошка. Зажила.

Степаныч. Так живи да радуйся. Только про Аннушку мою забудь. Мне зять-беспарточник в семье без надобности.

Ерошка. Петр Степанович, а за мастера отдадите?

Степаныч. За мастера отдам. Только не бывать тебе мастером.

Ерошка. Поживем — увидим. Спасибо на добром слове, Петр Степанович.

Степаныч. Тебя добрым словом никто не привечал. А ну с глаз моих, бездельник!

Ерошка убегает.

Степаныч (*натываясь на кучу бревен*). А это здесь зачем?

Мастеровой. А куды ж их, Петр Степаныч?

Степаныч. И то верно... К той башне ставьте, потом спрячем.

Мастеровые тащат бревна к башне на заднем плане.

Появляются ожидающие встречи с императрицей дамы, затем Болотов.

Явление 2.

Те же, дамы и Болотов.

Дама 1. Это здесь? Скажите, это будет здесь?

Дама 2. Здесь вообще ничего не будет, я у мужа узнавала.

Дама 3. Много ваш муж знает!

Дама 4. Спросить бы... (Степанычу) Скажи, любезный, матушку императрицу в кремле встречать будут?

Степаныч. Избави Бог, сударыня! Что здесь показывать! Одна разруха.

Дама 2. Я же говорила.

Дама 1. А где? Где будет? Я должна стоять в первом ряду встречающих.

Дама 4. С какой такой превеликой радости?

Дама 1. Знаете, сколько за это платье уплачено? (шепчет на ухо).

Дама 2. То-то я и смотрю. За такие копейки ничего приличного не сыщешь. Столько только мои чулки стоят.

Дама 3. С таким мужем можно...

Дама 4. Можно подумать, люди придут не на императрицу смотреть, а на вас.

Дама 2. Люди на императрицу. А императрица на нас.

Дама 1. Уж женщина такое точно не пропустит.

Дама 4. Императрица на такое и не взглянет. У нее все платье в жемчугах и алмазах. Про ткань и говорить нечего.

Дама 3. Императрица и без мужа может.

Дама 1. Так где? Где все будет?

Мастеровые тащат бревна к башне на заднем плане.

Мастеровой. Посторонись!

Дамы ретируются.

Появляется Болотов.

Болотов. Тише, черти! Зашибете! Раньше времени к праотцам отправите.

Степаныч. А, Андрей Тимофеевич! Наше почтение!

Болотов. Любезный Петр Степанович! Сердечно рад!

Степаныч. Какими судьбами к нам в Тулу из Богородицка?

Болотов. Да вот, пораньше приехал. Даст Бог, матушку-государыню увижу.

Степаныч. Что же, любопытство? Либо чаешь дельце какое провернуть?

Болотов. Как управляющий императорским имением об успехах доложить хочу.

Степаныч. Так и об успехах?

Болотов. А вот погляди.

Болотов показывает Степанычу альбом с рисунками.

Степаныч. Неужли и в самом деле ты в Богородицке такую красоту развел?

Болотов. Заезжай в гости, сам увидишь.

Степаныч. Некогда, Андрей Тимофеевич. Все дела, дела... А рисовал кто? Сам?

Болотов. Сын помогал, Павлуша.

Степаныч. Который же ему год?

Болотов. Семнадцатый пошел. Вот и хочу я альбомец этот государыне преподнести, да о месте для сына похлопотать...

Степаныч. Ты куда лезешь, беспорточник!

Болотов. Что?

Степаныч. Нет, ну ты погляди! (в сторону, мастеровому). Куда ты лезешь! Глаза повылазили?

Мастеровые под руководством Степаныча тащат бревно за кулисы.

Болотов присоединяется к процессу.

Явление 3.

Появляются Аннушка и Ерошка.

Аннушка. Не заметили?

Ерошка. Не! Больно заняты.

Аннушка. Стало быть, пришли...

Ерошка. Вроде того. Аннушка, давай, подымай юбку.

Аннушка. Ерошка... Прямо здесь?

Ерошка. Ага. Пришли же. Чего застыла? Или забыла, зачем пришли?

Аннушка. Я думала там...

Ерошка. Где там?

Аннушка. На колокольню хочу.

Ерошка. Ну чего ты... Там лестница узкая, ступеньки крутые. Ну, Аннушка!

Аннушка. Зато птички летают, облака бе-е-елые... Пуши-и-истые... Что перина. Ерошка...

Ерошка. Все вам, бабам, о глупостях думается.

Аннушка. О любви нам думается! А вот вам, мужикам, только о шестеренках!

Ерошка. Так к любому механизму подход нужен. У каждой шестеренки, у ей тоже душа имеется. Ты это чувствуешь?

Аннушка. Чую.

Достает из-под юбки огромную шестеренку и швыряет.

Аннушка. В Туле на любой на случай

Ты отыщешь мастеров.

Тот хороший, этот лучше,

Не сыскать лишь женихов.

Шестеренки с рычагами

Затуманили мозги.

Прикрутили-постучали,
Повернули-испытали!
Механизмы да расчеты...
А когда же о любви?

Вместе: Коль глаза встречаются, то дорожки сходятся!
Уст уста касаются, а потом как водится!

Ерошка. Ни один сурьезный мастер
Дочку замуж не отдаст,
Коль жених не головастый,
Коли в деле не рукаст!
Шестеренки с рычагами...
Изломал себе мозги.
Прикрутили-постучали,
Повернули-испытали!
Механизмы да расчеты...
А когда же о любви?

Вместе: Коль глаза встречаются, то дорожки сходятся!
Уст уста касаются, а потом как водится!

Ерошка. Ну что ты, глупая. Аннушка, я же о нас забочусь. Помнишь, что ба-
тюшка твой мне сказал?

Аннушка. Что ты желторотый беспорточник?

Ерошка. Да нет!

Аннушка. Да да. Так и сказал: «Ты, беспорточник желторотый, прежде чем на
девок глядеть, на портки себе заработай».

Ерошка. Он пообещал отдать тебя, коли мастером стану.

Аннушка. Пиши пропало. Чтобы мастером стать, надо свое мастерство явить, да
так, чтобы все рты открыли. А ты что делаешь?

Ерошка. Что?

Аннушка. Разве этими шестеренками кого проймешь? Да на заводе таких...

Ерошка. Таких, да не таких. Я механизм придумал. С музыкой.

Аннушка. С какой еще музыкой?

Ерошка. Для часов. На колокольню хочешь?

Аннушка. Ну чего ты... Там лестница узкая...

Ерошка. Узкая...

Аннушка. Ступеньки крутые...

Ерошка. Еще какие...

Голос Степаныча. Ты куда руки суешь, беспорточник!

Аннушка. Отец!

*Аннушка и Ерошка подхватывают принесенную шестеренку
и скрываются в колокольне.*

Явление 4.

Мастеровые продолжают наводить порядок.

Степаныч. Поднажми, ребята! Чуток осталось. Бог даст, к вечеру кончим.

Мастеровой 1. На завод бы вернуться, Петр Степаныч. Мы все ж таки не двор-
ники...

Степаныч. Разнылись! Так и я вроде мастер оружейный. Только кто кроме нас?

Мастеровой 2. Да мало ли в городе крепостных!

Степаныч. Крепостных много. Только они все на своих господ спину гнут. А вы к заводу государеву приписаны.

Мастеровой 3. Это верно. Ни один хозяин обслугу от своей персоны и на день не отпустит.

Степаныч. Вы завод государев обслуживаете. А государя в Туле кто представляет? Губернатор. Так что его приказы все равно что царские. Встреча государыни — самое государственное дело.

Мастеровой 4. Харчей бы побогаче, Петр Степаныч.

Степаныч. Каких тебе харчей?

Мастеровой 5. Хоть хлебушка вволю...

Мастеровой 4. Задрала пареная репа!

Степаныч. Цыц! Я тебе задеру! Дорог нынче хлеб, потому как не уродился. Засуха. Неурожай. Нешто не знаете?

Мастеровые. Само собой. Знаем.

Степаныч. Так хлеб нынче по четыре копейки фунт! В прошлом году фунт за копейку брали. Накормлены, и будет с вас, беспорточники. Не того полета птицы.

На заднем плане возникает Вельяминова: «К свиньям!»

Мастеровой 4. Зато эта свинья еще того полета!

Мастеровой 5. Держись, Степаныч!

Степаныч. Поговори мне! Лучше на башню влезь да посмотри, не пылит ли дорога. Вдруг гонец от императрицы. Брысь!

Рабочие разбегаются.

Явление 5.

Степаныч, Вельяминова.

Степаныч. Матушка Наталья Афанасьевна, не извольте беспокоиться! Все исполнено. Мусор выметен, цветы по пути следования высажены, дома по главной улице выбелены...

Вельяминова. Как они выбелены?

Степаныч. А известно как, белилами. Желтыми да голубыми.

Вельяминова. Какими, к свиньям, белилами! Ты почему только первые этажи выкрасил? Вторые на их фоне совсем страшными кажутся.

Степаныч. Так из спички при всем хотении стола не выстругать.

Вельяминова. Какие тебе столы! Ты мне про побелку отвечай!

Степаныч. Отвечаю. Белила казенные на дом Петра Николаевича пошли да дворовые постройки.

Вельяминова. Какого Петра Николаевича?

Степаныч. Сестрицы вашей, старшей, единоутробной, Варвары, законного супруга.

Вельяминова. А, Петруши...

Степаныч. Ну да, советника казенной палаты.

Вельяминова. Чего кричишь?

Степаныч. Я не кричу.

Вельяминова. Продолжай.

Степаныч. Я и говорю, мусор выметен, цветы высажены, дома по главной улице выбелены, негодные постройки разломаны и прибраны.

Вельяминова. Куда прибраны.

Степаныч. А сюда и прибраны, за стены кремлевские. Как наказывали. Места ведь, правда, много, а толку с него мало.

Вельяминова. Это от тебя толку мало! Почему не вывезли?

Степаныч. Так лошади заняты. Камень возят.

Вельяминова. Какой, к свиньям, камень?

Степаныч. Дом Андрея Ивановича строят.

Вельяминова. Какого еще Андрея Ивановича?

Степаныч. Супруга сестрицы вашей младшей, Екатерины.

Вельяминова. А, Андрюшки...

Степаныч. Ну да, председателя губернского дворянства.

Вельяминова. Кричишь зачем?

Степаныч. Я не кричу.

Вельяминова. С завода бы лошадей взял.

Степаныч. С оружейного завода? Как можно?

Вельяминова. Нужно, значит, можно. Чай не каждый день матушка государыня в Тулу навещивается.

Степаныч. Так завод станет!

Вельяминова. Без тебя, великого ружейного мастера, не стал? А без кобыл и по-давно не станет.

Степаныч. За что ж вы так со мною, Наталья Афанасьевна? Мало того, что меня, ружейного мастера, отрядили городские улицы мести да красить...

Вельяминова. Тебя команды справлять отрядили. Чтоб центр губернии как на картинке сверкал.

Степаныч. Пусть так. Но ведь все исполнено! За что хулите?

Вельяминова. Все, да не все. Что за бревна у той стены свалены?

Степаныч. Так это же здесь, за кремлевскими стенами. С улицы не видать.

Вельяминова. Точно не видать?

Явление 6.

Входит Болотов.

Болотов. Точнехонько! Не извольте беспокоиться, никакого беспорядка! Одно рачение и благочиние. Здравствуй, матушка Наталья Афанасьевна.

Вельяминова. А, это ты, Андрей Тимофеевич? Поглазеть?

Болотов. С вашего разрешения, не поглазеть, а доложить об успехах в управлении именем императорским. Извольте удостовериться.

Болотов показывает альбом с рисунками.

Вельяминова. И что с того? На картинках вся Киевская каменными доминами уставлена. А на деле... Степаныч, ты фасады деревянные по петербургскому образцу точно сделал?

Степаныч. Разумеется, Наталья Афанасьевна! Не извольте беспокоиться. Щели меж досками законопатили, сверху выкрасили, от каменных не отличить. Дома будто настоящие стоят.

Вельяминова. А ну как государыня вздумает в окошко заглянуть? А там и рвань, дрань да пустота.

Степаныч. Так мы шторы изнутри повесили да задернули.

Вельяминова. В некоторые окна по девке посади. Пусть машут. И чтобы восторженно! Все картинка натуральнее.

Болотов. Мои картинки с натуры писаны, сын помогал, Павлуша. Заезжайте в гости, сами увидите.

Вельяминова. Сын, говоришь?

Болотов. Семнадцатый пошел. Хочу я альбомец этот государыне преподнести да о месте для сына похлопотать...

Вельяминова. Вот оно что... Чтоб на место заступить, талантами обладать надо. Не только бумагу красками марать.

Болотов. Он обладает...

Вельяминова. Не всякому дано государеву службу исполнять.

Болотов. Так оба зятя ваших служат, оба деверя. Даже братец ваш, Василий, с двух лет в гусарском полку числится...

Вельяминова. Так моя родня — таланты. Гляди, как бы тебя не заменили.

Песня Вельяминовой.

Нынче люди обнаглели,
Совести нет ни на грош.
Все в начальство захотели!
Вынь им место да положь!
Только кто из вас подумал:
Должность вам не аксельбант!
Как перчатки ни наденешь, —
Нужен к должности талант!
Талант — он послан свыше,
Он к сыну от отца!
Он к брату от сестрицы,
И нет родне конца!
Зятя, кузены, тетки!
Чужак не вариант!
Служить у нас достоин
Лишь истинный талант!
Через кровь талант дается,
Все оттуда: ум и статья.
Нужно правильно родиться,
Дабы человеком стать.
Как занять удачно место?
Должен быть отец умен,
Чтоб вписал сынка, где нужно,
До того, как тот крещен!
Талант — он послан свыше,
Он к сыну от отца!
Он к брату от сестрицы,
И нет родне конца!
Зятя, кузены, тетки!
Чужак не вариант!
Служить у нас достоин
Лишь истинный талант!

*Песня прерывается невнятными механическими звуками,
издаваемыми часами кремлевской колокольни.*

Вельяминова. Кто часы тронул? Доломать к свиньям решили? Я вам покажу, как казенное имущество портить!

Вельяминова бросается к колокольне, за ней все остальные.

Явление 7.

Из бокового лаза, озираясь, появляются Ерошка и Аннушка.

Аннушка. Зачем влез?! Сломал же!

Ерошка. Никак не уясню, к чему та шестерня идет?

Степаныч (*появляясь*). Так вот он кто! Я тебя про Аннушку предупреждал? Ты языка русского не понимаешь? А в механизм на кой полез? Совсем сдурел? Часы год стоят. Иноземная работа! Мастера на них выписали, никак не доедет! Куда лезешь, беспорточник?!

Ерошка. Хочу часы пустить. Нечто не смогу?

Степаныч. Не сможешь. Сломаешь только.

Ерошка. Сделаю.

Степаныч. Пооговаривайся мне!

Ерошка. Говорю же, сделаю! И мастером я стану!

Степаныч. Цыц! Всяк сверчок знай свой шесток! Мастер нашелся!

Аннушка. Батюшка, вы и меня останавливаете. А я в актрисы хочу.

Степаныч. Дома сиди, щи вари.

Аннушка. Щи щами, а мечта мечтою!

Ерошка. Вы же сами из крепостных, мастером оружейным стать мечтали. И стали!

Степаныч. Ты оружейное дело с кривляньем да танцульками не равняй. То дело, а то забава.

Аннушка. Из ваших ружей людей убивают, а театр — он человеку радость дарит, надежду!

Степаныч. Убивают, значит...

Аннушка. Убивают.

Ерошка. Молчи, дуреха...

Степаныч. Из моих ружей, говоришь?

Аннушка. Из ружей...

Степаныч. Вот ты как про отца!? Ай да Нюрка! Я тебе покажу радость! Я тебе подарю надежду! В башню! Немедля!

Аннушка. Куда?

Степаныч. В башню заходи.

Аннушка. Батюшка... Может я домой...

Степаныч. Нюрка, заходи по хорошему! В актрисы не пушу!

Аннушка заходит в башню. Степаныч ее запирает.

Степаныч. Домой! Чтобы этот прохвост к тебе прискакал? Нет уж, сиди здесь, на глазах.

Ерошка. Петр Степаныч!

Степаныч. А тебя, жених, увижу с ней рядом, пеняй на себя! Обрато в черную работу сошлю.

Ерошка. Но, Петр Степаныч...

Степаныч. И часы за версту обходи!

Ерошка. Петр Степаныч!

Степаныч. За две! Пока себе беды не нажил. А теперь брысь! Беспорточник...

Ерошка уходит.

Явление 8.
Те же, мастеровой и Кречетников.

Мастеровой (*на башне*). Едут! Едут!

На крик сбегаются встречающие туляки.

Вельяминова. Кто? Кто едет?

Мастеровой. Уже никто. Приехали. Губернатор приехать изволили.

Входит Кречетников.

Кречетников. Как я выгляжу?

Одобрительный гул.

Вельяминова. Великолепно!

Кречетников (*мастеровому*). Едут?

Мастеровой. Нет покуда.

Кречетников. Смотри мне.

Мастеровой. Смотрю.

Вельяминова. Рано ты, батюшка Михаил Никитич, вестового выставил. Перепугал совсем.

Кречетников. Так погоди, я тебя пуще напугаю. К нам едет государыня.

Вельяминова. Нашел чем пугать. О том вся губерния гудит. На днях будет. А у нас все и готово. Эй, где там речь?

Встречающий. Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая, позволь выразить...

Кречетников. Довольно, это завтра, кстати, будет.

Вельяминова. Завтра? Как завтра... Государыня приедет завтра! Завтра!? То-то мне сон снился...

Степаныч. Как завтра?

Кречетников. И не просто завтра. Государыня возжелала кремль осмотреть.

Степаныч. Как кремль...

Кречетников. Императорский указ был: крепости старинные не рушить, а в порядок приводить как память о славных подвигах дедов наших. Указ про кремль был?

Вельяминова. Про кремль? Что за указ? Когда?

Кречетников. Аккурат, когда мы собрались эту развалюху снести, дабы центр столицы губернской не уродовать. Еще над проектом новой площади думали...

Вельяминова. Думали...

Кречетников. Значит, указ был?

Вельяминова. Был...

Кречетников. А тогда что это? Почему указ не исполняется? Стены валятся, крыши в башнях текут, кругом грязь хуже свинарника! Что прикажешь государыне отвечать? А?

Вельяминова (*ищет крайнего*). А? А... (*находя Степаныча*) А!

Степаныч. Батюшка, Михаил Никитич! Казни меня прямо здесь. Не успеть. Стены, крыши... Тут стройки на месяц! До завтра не успеть.

Вельяминова. Да я тебя в кандалы! В Сибирь!

Болотов. Стойте! Не нужно в Сибирь! Стойте... Знаю! Знаю, что делать!

Кречетников. Грязь да мусор ты за ночь, положим, уберешь... А стены? Развалившиеся места заново выложишь? Крыши вновь перекроешь?

Болотов. Да стойте же! Там, где не справятся строители, справятся художники.

Степаныч. Какие художники?

Болотов. Театральные. Доски еще остались?

Степаныч. Этого добра в достатке.

Болотов. Нужно возвести декорацию.

Кречетников. Декорацию? Как в театре?

Болотов. Именно.

Кречетников. Как в театре... Театр!

Вельяминова. Театр! Сам же сказывал, как Потемкин императрицу в Тавриде встречал! И ведь ей понравилось! А если и нам...

Кречетников. Немедля послать гонцов по губернии. Все табуны лошадей, стада коров, овец и свиней гнать к дороге, по которой императрица поедет. И чтоб от самого Мценска на юге и до Серпухова на севере у каждой деревни императрицу встречали крестьяне с хлебом-солью.

Вельяминова. В праздничных одеждах. И чтобы с песнями, да веселыми.

Кречетников. Ну и здесь постараться надобно. Так что вы, братцы, теперь художники. Ты, Андрей Тимофеевич, тоже ведь к рисованию способен. Подсоби, посоветуй!

Болотов. Я как раз вознамерился государыне альбомец преподнести, да...

Кречетников. Подсоби, сделай милость.

Болотов. Да хотел о месте для сына похлопо...

Кречетников. Позже сладим. Позже. Принимайся, брат, за работу. Как все это, однако, не вовремя. Мало того, что неурожай и цены на рынке взлетели, так еще и с кремлем не управились. А ты говоришь, орден!

Вельяминова. Говорю. И еще раз повторю. Ты, батюшка, по подвигам своим, достоин ордена!

Кречетников. У меня их четыре штуки.

Вельяминова. Пусть будет пятый!

Кречетников. Скажешь тоже. Те ордена за подвиги военные получил, а здесь хозяйством ведать надобно.

Вельяминова. Ты и ведаешь. А я помогаю. И сия на благо отечества служба тоже ордена достойна! Или эполета наградного!

Кречетников. Наталья Афанасьевна, есть у меня эполет.

Вельяминова. Это который с бриллиантами?

Кречетников. Он самый.

Вельяминова. Но он один. А плеча два. Тебе нужен второй эполет! Нужны эполеты! Верно, господа?

Присутствующие нестройно, но дружно поддерживают.

Кречетников. Скажете тоже!

Болотов. Надобно признать, для губернии вы, Михайло Никитич, и правда постарались. Взять хотя бы...

Кречетников. Я на оружейный завод. Новые ружья испытывать. Как я выгляжу?

Вельяминова. Великолепно! Осталось только, дабы императрица сие заметила и оценила. *(Степанычу)* Так что смотри! Не справишься — в Сибирь пойдешь. У вас одна ночь.

*Кречетников и Вельяминова уходят.
Появляется Ерошка.*

Ерошка (*появляясь*). Петр Степанович, разрешите помочь.

Степаныч. И ты здесь, помощничек? Хочешь оружейным мастером стать, стенки фальшивые рисуя? Или думаешь, меня в Сибирь упекут, а ты здесь с моей дурехой останешься? Так я ее с собой возьму.

Ерошка. Петр Степанович, разрешите помочь.

Степаныч. Ладно. Помогай. Только коли увижу вас рядом, пеняй на себя! Мне теперь все одно дорога в Сибирь, могу и...

Ерошка. Спасибо, Петр Степанович!

Степаныч. Спасибо... Ну, ребята, выручай!

Явление 9.

*Мастеровые под руководством Степаныча и Болотова
преображают кремль с помощью декораций.*

Две руки да две ноги,
Ноги в руки — и беги!
А о том, чтоб отдохнуть,
Даже думать не моги!
По полям да по лесам,
Застреляя тут и там,
Тульских пряников поесть
Едут, едут гости к нам!

Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Туле эту ночь не спать —
Самовары начищать!
Это вам не просто так —
Государыню встречать!
Нынче полон рот забот:
Вымыть, что не мылось год,
Починить, прибить, полить,—
Тула наша расцветет!

Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Темнеет.

КАРТИНА II.

Явление 10.

Утро.

Рассвет проявляет преображенный кремль.

Появляется Ерошка с лестницей. Он пробирается к башне, подставляет лестницу к башне сбоку и поднимается к окну.

Ерошка. Аннушка... Аннушка...

Аннушка (*выглядывая из окна*). Кто там... Ерошка!

Ерошка. Тсс!

Влюбленные обнимаются, собираются поцеловаться, но часы на колокольне начинают скрежетать, собираясь пробить новый час.

Ерошка. Тсс! Не время. Позже. Позже...

Часы слушаются. Влюбленные целуются.

Появляются Степаныч и Болотов.

Аннушка прячется, Ерошка кубарем слетает вниз.

Степаныч. А что, Андрей Тимофеевич! Может, Сибирь моя отменяется? Молодцы, беспорточники! Вот шельмы!

Болотов. Художники! Как деревяшки изукрасили! Нипочем не поймешь, что не камень!

Степаныч. Неужто правда доски?

Ерошка. А как же.

Степаныч (*указывает на лежащую на земле декорацию стены*). И эта из дерева?

Ерошка. Само собой. Из чего ж еще за ночь такую сварганишь.

Степаныч. Ну так ставьте на место, одна башня неприкрытая осталась.

Ерошка с мастеровыми поднимают фальшивую стенку и закрывают ею башню, в которой сидит Аннушка, и приставленную Ерошкой лестницу. Декорацию приколачивают к башне.

Степаныч. Эй! В кремль зевак не пускать. Нечего тут. Да и краска покуда сохнет... Еще башню какую попортят.

Болотов. Театр... Сплошной театр... Искусство! Декорация!

Степаныч (*Ерошке*). Театр, беспорточник! Понимать надо! Искусство!

Болотов. Только искусству театра в театре быть надлежит.

Степаныч. Когда Сибирью пахнет, не до рассуждений. Где господа решат, там и будет.

Ерошка. Справимся, Петр Степанович!

Степаныч. Ты молчи, беспорточник.

Болотов. Бойкий парень, смысленый. С оружейного?

Ерошка. С него самого. Мастером стать мечтаю.

Степаныч. Мечтай, ничего у тебя не выйдет.

Болотов. Что ж так жестоко, любезный Петр Степанович! Мечта — большое дело для человека.

Степаныч. Для человека большое. А для беспорточника, что мне в зятя набивается... Да что о пустом. (*дозорному на башне*) Эй, не видать?

Мастеровой (*на башне*). Так господин губернатор с госпожой Вельяминовой еще затемно за город встречать выехали. Покуда ждем...

Степаныч. Смотри мне!

Мастеровой. Смотрю...

Степаныч. Ждем... А мусор куда дели?

Ерошка. А в башни и ссыпали, куда ж его еще? На улицу ведь нельзя. Ее только давеча вымели.

Болотов. А ну как матушка возжелает башни изнутри осмотреть?

Степаныч. А мы перед входом тебя поставим. Будешь государыню своим альбомом отвлекать. Бог даст, пронесет...

Болотов. Как отвлекать?

Степаныч. Заодно про сына вставишь.

Болотов. Про Павлушу... Про Павлушу надо. Семнадцатый год...

Мастеровой (*на башне*). Едут! Едут!

Степаныч. Кто? Кто едет?

Мастеровой. А шут его знает. Пыль столбом! Вроде и не наши... Наши! Наши! А карет! Что блох у собаки!

Степаныч (*Ерошке*). Беспорточник, прячься! Матушка Екатерина пожаловать изволили! (*дозорному*) Куда правят?

Мастеровой. К оружейному вроде. Нее... Мимо... А куда это они? Ой...

Степаныч. А ну, голытьба, прятаться! Куда!? Туда! Кисти, краски спрятали? (*дозорному*) Сигнал! Сигнал к встрече давай!

Паника.

Дозорный свистит. Начинают бить колокола и стрелять пушки.

Явление 11.

Кремль наполняется встречающими туляками.

Дама 1. Я же говорила, что здесь! И муж мой говорил!

Дама 2. Мало ли кто чего говорил, государыня все сама, без мужа решает.

Дама 4. Видели как матушка одета?

Дама 3. Во что захотела, в то и оделась. Без мужа, оно еще и сподручнее.

Дама 1. Интересно, сколько же за ее платье уплачено?

В кремль торжественно въезжает карета.

Из нее выходит Екатерина II в дорожном платье.

С нею Кречетников и Вельяминова.

Встречающий. Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая, позволь выразить...

Екатерина. Позже выразишь, на официальной встрече. Пока дай дух перевести. Здравствуй, Михайло Никитич. Что тут у тебя?

Кречетников. Здравствуй, матушка! А вот, значит, и кремль наш старинный, с древними башнями. Все согласно указу.

Екатерина. Молодец, Михайло Никитич! Помню, первый раз здесь еще девчонкой с императрицей Елизаветой была. Тула в последние годы заметно похорошела!

Кречетников. Видит Бог, матушка, всеми силами радею за процветание губернии Тульской.

Екатерина. И губерния твоя мне по сердцу пришла. По всей стране засуха, неурожай, а у тебя вдоль дорог стада тучные пасутся, табуны резвые гуляют, крестьяне опрятные, песни поют, хлеб-соль преподносят. Всюду чистота, порядок и изобилие. От плохого житья петь не станешь. А, Михайло Никитич?

Вельяминова. Так, матушка, так. Хозяйством, им же тоже заниматься нужно. Оттого и урожай. А при урожае крестьянин сытый да довольный. Что же ему песен не петь?

Екатерина (*к Степанычу в толпе*). Поди, любезный. Почем на рынке фунт хлеба?

Степаныч (*в замешательстве, ловит знаки, подаваемые из-за спины императрицы Вельяминовой*). ... так... это... по копейке, матушка...

Кречетников (*выдыхая*). По копейке...

Екатерина. По копейке?! (*тревожная пауза*) Так тульская губерния — суший рай! (*общий выдох облегчения*) Спасибо тебе, Михайло Никитич! Всю Россию проехала, а только у тебя в Туле нашла то, что желала бы найти и у других.

Вельяминова. Так он, матушка, и день, и ночь все о губернии печется, живота не жалеючи, дома не бываючи. Как по мне, так сие подвиг, достойный эполета!

Екатерина. Может, и эполета, поглядим. Да и туляки не промах! Не зря слава о мастерах местных впереди них летит! Как это в пословице... О добре трудиться — есть чем похвалиться!

Песня Императрицы.

Радостно мне видеть
Мой народ в достатке.
По сердцу пришла мне
Тульская земля.
Если есть хозяин,
Будет все в порядке:
Улицы и храмы,
Реки и поля.

Руки золотые,
Помыслы живые,
Как без вас прожить!?
Силы молодые,
Души боевые,
Как вас не любить!

Все отлично знаю.
Много недостатков.
Но живет надежда,
Сердце веселя.
В Туле есть хозяин,
Значит, все в порядке:
Расцветай и здравствуй,
Тульская земля!

Руки золотые,
Помыслы живые,
Как без вас прожить!?

Силы молодые,
Души боевые,
Как вас не любить!

*Падает та самая, последняя декорация «башни»,
открывая Ерощку на лестнице у окна, из которого выглядывает Аннушка.*

Екатерина. Слышала, что любовь сильна, но чтоб она крепости рушила... Вот так Тула... Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

Степаныч. Нюрка! А ты, беспорточник...

Степанычу закрывают рот и уводят в сторону.

Кречетников. Не угодно ли, матушка, оружейный завод осмотреть? А на завтра бал да театр запланированы. Театр у нас преотличный, новый! Специально для Вашего императорского величества приготовлено сочинение драматическое господина Княжнина «Титово милосердие».

Вельяминова. Очень правильная пьеса о добродетельном государе, добродетелью свою страну к процветанию...

Екатерина. Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. Сегодня ввечеру играть.

Вельяминова. Как сегодня?

Екатерина. Сегодня ввечеру. В кремле.

Кречетников. Прямо здесь?

Екатерина. Здесь, в кремле. И про кремль.

Кречетников. Как про кремль?

Екатерина. Вот так. Хочу века истории сей славной крепости лицезреть. Времени до вечера вдоволь, управитесь. Кстати, часы на колокольне идут или нет?

Кречетников. Иноземной работы механизм, а сломался. Послали за мастером, со дня на день починит.

Екатерина. Вот и славно. А теперь на завод!

Екатерина уходит. За нею свита.

Кречетников. Пронесло или нет? Как я выгляжу?

Вельяминова. Великолепно!

Кречетников за императрицей. За ним уходит тульское дворянство.

Вельяминова. Это что вы здесь за стенопад устроили? Ну да ладно. Сами себе работу нашли. Слышали? В кремле и про кремль!

Степаныч. Так труппа вся в Калуге, приедут завтра.

Вельяминова. Как в Калуге? Не зря я сегодня в холодном поту проснулась. Завтра вы все поедете в Сибирь!

Степаныч. Матушка, смилостивись, какой театр без актеров?

Вельяминова. Самый лучший, какой государыня видела. И чтоб, к свиньям, века истории! Чтоб... Лично головой отвечаешь. И стенку на место поставить не забудь.

Вельяминова догоняет царскую процессию.

Явление 12.

Степаныч, Ерошка, Аннушка, Болотов, мастеровые.

Болотов (*появляясь*). Любезные, а когда же матушка в башню пойдет?

Степаныч (*не обращая внимания*). Как она, зараза, отвалилась!? Прибивали ж гвоздями!

Болотов. Что такое?

Мастеровой 1. Так гвозди в стену не вогнать. Не кирпич - камень! Вот и прибили к бревнам, что к стене прислонили. А они и упали.

Степаныч. Камень, говоришь? А в раствор между камнями-кирпичами не забить было?

Мастеровой 2. Так раствор еще крепче!

Степаныч. Умели деды наши строить.

Болотов. Вот оно что...

Степаныч. Ну, что носы повесили?! Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Сибирь так Сибирь... Ерошка, ты это, береги ее. Одна остается. Нет у нее больше никого.

Ерошка. Петр Степаныч, да как же это...

Степаныч. Что мог, я сделал. Комедию ломать — не умею. Ничего, и в Сибири люди живут. Все ж не на виселицу!

Аннушка (*из окна*). Погоди, батюшка. Ты же сам учил никогда не сдаваться.

Степаныч. Учил. Только супротив иных задачек ничего не попишешь.

Ерошка. А чего, собственно, бояться? Всего-то и надо дурака свалить!

Болотов. Дурака, может, и сваляешь, а только театр — это вам не просто так.

Степаныч. Это искусство! Не глупее оружейного...

Аннушка. Когда Сибирью пахнет, не до искусства. Правда же, Ерошка?

Ерошка. Ну да... Но попробовать же можно! У вас получится!

Аннушка. У вас? А ты, значит, не с нами?

Ерошка. Негоже мастеровому оружейному...

Аннушка. Как обниматься, так он оружейник, как с поцелуями лезть, так он мастер, а как помочь...

Ерошка. Зачем ты ... при всех... ну, про это...

Степаныч. Кабы не Сибирь, показал бы я вам поцелуи!

Болотов. Сибирь... А что... Или мы не туляки? Или у нас руки и ноги отсохли? (*одобрительные возгласы*) А тогда слушать меня. Быть нам сегодня актерами!

Ерошка. А костюмы где взять?

Аннушка. Надо бы в театральную костюмерную пробраться... Может кто из актеров в городе остался?

Ерошка. А если не остался? Как в театр попадем?

Мастеровой 4. Чего проще! Там я замок на дверях ставил.

Мастеровой 5. Коли поставил, так и снять сумеешь.

Ерошка. И еще бы знать историю сей славной крепости...

Болотов. Ну, это дело нехитрое. С историей помогу.

Степаныч. И я что от дедов слышал, расскажу.

Болотов. Тогда за дело!

Оптимистичная песня строителей театра.

*Под нее в кремле возникает импровизированная сцена,
напротив — место для императрицы.*

— А если не получится?
— Получится, не плачь!
— А если не получится?
— Тогда привет, Сибирь!
— А если не получится?
— Как ты мне надоел!
Получится! Получится!
Нас ждет так много дел!

Хочешь жить — умей вертеться!
Мир устроен так.
Хочешь жить — умей вертеться!
Или сам дурак.
Если дружно навалиться,
Можно многого добиться!
Мир — театр, мы — актеры
И свои исполним роли!

— А вы играть умеете?
— А я предупреждал!
— В Сибири очень холодно?
— А я предупреждал!
— А если не получится?
— Как ты нам надоел!
Получится! Получится!
Нас ждет так много дел!

Хочешь жить — умей вертеться!
Мир устроен так.
Хочешь жить — умей вертеться!
Или сам дурак.
Если дружно навалиться,
Можно многого добиться!
Мир — театр, мы — актеры
И свои исполним роли!

КАРТИНА III.

Явление 13.

Вечерет. Кремль готов к театральному представлению.

Ерошка вновь на лестнице у окна Аннушки.

Ерошка. Аннушка...

Аннушка. Что, Ерошка?

Ерошка. Ты меня хоть чуть-чуть любишь?

Аннушка. Глупый, чего кричишь...

Ерошка. А ты ответь, любишь?

Аннушка. Я на глупые вопросы не отвечаю.

Ерошка. Ничего себе глупые! Я тут, можно сказать, на подвиг ради тебя решился. На сцену первый раз в жизни иду!

Аннушка. Еще один герой! Опять подвиг! Может, тебе тоже эполет нужен?

Ерошка. Эполет? Нет. Мне больше нужно.

Аннушка. Больше?

Ерошка. Гораздо больше.

Аннушка. Чего ж тебе?

Ерошка. Ухо подставь, скажу.

Аннушка придвигается, Ерошка обнимает ее и целует.

Аннушка. Вот дурной...

Ерошка. Ну так что, любишь?

Аннушка. Сыграешь спектакль для государыни, скажу.

Ерошка. А без спектакля никак?

Аннушка. Совсем дурной? Нас с батюшкой в Сибирь...

Ерошка. Знаю. Боюсь я перед всем народом... Вдруг слова со страха забуду. Что тогда?

Аннушка. Тогда? Тогда целоваться начинай. Публика это любит.

Ерошка. А ты?

Аннушка. Что я?

Аннушка поворачивается к Ерошке, тот обнимает ее и снова целует.

Из-за кулис слышится родное: «К свиньям все!»

Ерошка убегает.

Явление 14.

Аннушка и Болотов.

Болотов. К свиньям... Опять к свиньям...

Болотов подходит к башне и открывает дверь.

Болотов. Аннушка! Выходи.

Аннушка. А батюшка что скажет?

Болотов. Я его уговорил. Должна же ты к спектаклю подготовиться.

Аннушка. Правда!? Спасибо, Андрей Тимофеевич! Добрый вы... Вы не сердчайте, только жаль мне вас.

Болотов. Жаль меня? Почему?

Аннушка. Человек вы мягкий, деликатный, видно, что ученый. Женский глаз, он наметанный. Ученый. Вроде и уважают вас, а только не в чести вы у них. Чужой вы.

Болотов. Женский глаз, говоришь? Что правда, то правда. Чужой.

Аннушка. Один против всех. И родни не имеете, и красть не умеете. Женский глаз наметанный. Не умеете. Поучились бы. У нее. Глядишь, своим бы стали.

Болотов. Поучился?

Аннушка. Это поначалу только боязно, а потом всем очень даже нравится.

Болотов. А если и потом не понравится? Должен же кто-то и дело делать. Не хочу как она. Знаю, что надо мною посмеиваются. Только я спать с чистою душою ложусь и в холодном поту не просыпаюсь. И ни на какие леденцы свой покой душевный я не променяю. Как говорили древние, делай что должно, и будь что будет. Так что мне и потом не понравится.

Аннушка. Попробуете — понравится. И душевные терзания пройдут. Время всех и от всего лечит.

Болотов. Время не лечит. Но время всех рассудит. Может лет через двести о ней только благодаря мне или тебе потомки помнить и будут.

Аннушка. Через двести? Блаженный вы. Или страх какой упорный.

Болотов. Так и ты упорная. Вопреки отцу на сцену идешь.

Аннушка. Иду. Только получается не вопреки, а ради него. Ведь жуть какая перед публикой выйти.

Болотов. Сама же вызвалась, людей за собой подняла. Про мечту говорила.

Аннушка. Сама. Говорила. Только не так я хотела... Вдруг государыне не понравится? Да и просто боязно. Одной против всех на сцене стоять. Ой... Прямо как вы.

Болотов. Мечта — великое дело. Не каждому сверху большая мечта дается.

Аннушка. Сверху?

Болотов. И не каждому случай ее воплотить выпадает. Иди за мечтой и ничего не бойся.

Песня о мечте.

Что такое мечта?
Это в небе звезда,
 Что наш путь освещает в ночи.
Это смелый бросок,
Это сердца кусок,
 Золотые от счастья ключи.

Фантазируй и мечтай,
 Птицей в небо улетай!
Чтобы радуга сияла,
 Чудо в жизни воплощай!

У тебя есть мечта?
У меня есть мечта!
 Береги ее, не предавай.
Будет трудно в пути,
Будут вьюги мести,—
 Все рассеется! Не унывай!

Фантазируй и мечтай,
 Птицей в небо улетай!
Чтобы радуга сияла,
 Чудо в жизни воплощай!

Явление 15.

Сумерки сгущаются.

Рыкалов, Константинов, Вельяминова, Степаньч, затем Болотов.

Рыкалов. Вот видишь, все туда-сюда и разрешилось. Хорошо мы остались, а уехали бы? Кто перед матушкой представление бы давал?

Константинов. Уехали бы и от тени бы своей не шарахались. А так ходи и думай: прознает или нет.

Рыкалов. Дел у нее больше нет, как про двух захолустных актеров слухи собирать.

Константинов. Кто это захолустный? Мне бы только попасть на столичную сцену! Я бы им показал, как Гамлетов шекспировых играть!

Быть иль не быть — вот он, вопрос. Должна ли
Великая душа сносить удары рока
Или, вооружаясь против потока бедствий,
Вступить с ним в бой и положить конец
Страданью...*

Рыкалов. Даже не страдай. Публика не туда-сюда, она комедии любит. Вот где бы я разошелся! Дурацкий грим, малохольный разговор, походка набекрень...

Константинов. Мозги у тебя набекрень.

Появляются Вельяминова и Степаныч.

Вельяминова (*примеряясь к креслу императрицы*). Не жесткое?

Степаныч. Никак нет, Наталья Афанасьевна. В самый раз.

Вельяминова. Много ты понимаешь. Тебе, дураку, и на досках мягко. А тут ма-тушка императрица! Да и еще из-за кремля разгневанная. Понимать надо.

Степаныч. Понимаю.

Вельяминова. Надо было из будуара моего кресло принести. Все ж таки из Москвы вещь привезенная, не просто так. (*замечая Рыкалова и Константинова*) Это вы?

Константинов. Нет, это не мы.

Рыкалов. Смотря для какой надобности?

Вельяминова. Известно для какой. Комедия чьих рук дело?

Рыкалов. Не наших.

Вельяминова. Про кремль...

Константинов. Наших.

Вельяминова. Вы что, малахольные?

Рыкалов (*одновременно с Константиновым*). Да!

Константинов (*одновременно с Рыкаловым*). Нет!

Вельяминова (*Степанычу*). Ты за ними приглядывай. (*актерам*) Вас по какой причине на гастроль не взяли?

Константинов. По причине свирепой болезни, поразившей все естество, особенно утробу и чресла.

Вельяминова (*Рыкалову*). А тебя?

Рыкалов. И меня так же. Друзья мы, куда он, туда и я.

Вельяминова. Что ж за болезнь такая опасная?

Рыкалов. Холодная ботвинья с лососиной.

Вельяминова. Так ботвинья — не болезнь вовсе, а кушанье.

Константинов. Вот ею, родимую, мы и накушались.

Рыкалов. А еще штофчик взяли, туда-сюда...

Вельяминова. Туда-сюда? Сколько ж вы съели?

Константинов. Изрядно.

Рыкалов. До чертиков.

Вельяминова. Знать, хорошее жалование актеры получают, что лососиной до чертиков обжираются.

Рыкалов. Не то, чтобы жалование...

* Перевод М. Загуляева.

Константинов. Туда-сюда...

Вельяминова. Все ли готово к представленью?

Рыкалов. Не извольте беспокоиться! Здесь, значит, сцена будет.

Константинов. Там фейерверки для финала заряжены.

Рыкалов. Сейчас на стенах плошки с маслом зажжем.

Вельяминова. А оркестр где сядет?

Константинов. А здесь же, на стене, за зубцами.

Вельяминова. Так их же не видно будет.

Рыкалов. Зато слышно за версту.

Болотов (*появляясь*). Любезные, так когда же матушка в башню пойдет?

Вельяминова. Вы здесь зачем, любезный? Все неймется?

Болотов. Так как же, сама государыня...

Вельяминова. Государыня не в духе. Так что со своим сыном не лезь.

Болотов. Позвольте, но я...

Вельяминова. Не позволю.

Болотов. Но как же так...

Вельяминова. А вот так. Ты, Андрей Тимофеевич, помнится, тоже против сноса этого злосчастного кремля высказывался?

Болотов. Так что с того. Разве ж мое слово что решало?

Вельяминова. А не надо под руку каркать! Снесли бы вовремя и горя сейчас не знали.

Болотов. Да как же снести...

Вельяминова. А сказали бы, мол, сам рассыпался. От времени. Нет кремля — нечего и ремонтировать, а нечего ремонтировать — и спросу нет. А теперь крутись свиньей на гребешке!

Мастеровой (*на башне*). Едут!

Вельяминова. Все готовы?

Рыкалов. Готовы! Туда-сюда...

Вельяминова. Смотрите мне!

Степаныч. Давай, милые! Музыку!

Явление 16.

*Оркестр играет торжественную встречу.
Парадный выход: Екатерина II входит в сопровождении Кречетникова,
свиты и представителей тульского дворянства.
Кремль наполняется встречающими туляками.*

Встречающий. Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая, позволь выразить...

Екатерина. Спасибо, любезный. Давеча уже все выразил. Ну, Михайло Никитич, я от успехов оружейного завода еще отойти не успела, а тут новый сюрприз! Молодцы, изрядно потрудились. Вижу старание. И сцену хорошо устроили. Да вот спросить хотела. Что такое тумак?

Вельяминова. Тумак?

Екатерина. Да, заяц — тумак.

Болотов. Ну, так это просто, матушка. Тумак есть заяц, помесь беляка с русаком. Только мех у него не промысловый, ценности не имеет.

Екатерина. Пословицу народную услышала. Хорош заяц, да тумак; хорош малый, да туляк. Что это значит?

Кречетников. Мало ли чего народ простой болтает.

Болотов (*встревает*). Матушка, позволь преподнести альбом с упоительными видами имения вашего Богородицкого, кои я и мой сын нарисовали для Вашего Величества.

Екатерина. Благодарствую.

*Екатерина принимает альбом.
Болотова оттирают от императрицы.*

Екатерина (*разглядывая альбом*). Красота какая! Суший цветник! Кстати, Михайло Никитич, не худо бы у стен кремлевских живописную набережную устроить, дабы вдоль речки гулять, красотами местными любоваться.

Кречетников. Матушка, мне сейчас только набережной не хватает, и так...

Екатерина. А ты не торопись, подумай. Не сделаешь ты, придет другой губернатор, порасторопнее. И сделает. Что же мы сегодня увидим?

Кречетников. А что приказывали, матушка. Пьесу про кремль тульский.

Екатерина (*располагаясь на своем месте*). Превосходно! Стены эти не первый раз вижу, только молчат они. Хочется, чтобы заговорили, тайны свои поведали, летописи старинные оживили. Так что, господа актеры, оживите?

Степаньч (*выходя на сцену*). Мы, матушка, туляки - народ простой, мастеровой. Нам механизм выдумать, смастерить чего... До летописей руки не доходили. Но что деды рассказывали, помним. Дело, значит, было так.

Начинается спектакль.
Музыка. Поднимается занавес.

Степаньч (*входит в роль*). Я, Василий III, великий князь и государь всея Руси, года 1507, повелеваю поставить на левом берегу Упы, что в Диком поле, град каменный Тулу, дабы Москву и всю Русь от врага защитить. К делу сему пригласить зодчих италианских, что московский кремль возвели. И стоять сему кремлю на страже границы русской: врагам на устрашение, Руси на славу!

Лазутчик (*появляясь*). В кремле том устроили русские девять башен. Ворота с каждой стороны поставили дубовые да решетки к ним выковали железные...

Степаньч (*в роли Василия III*). Да вот еще... (*подходит к Лазутчику и закрывает ему уши руками*) Тайно вырыть подземный ход из кремля к речке, дабы в случае осады город без воды не оставить. Так-то (*уходит*).

Лазутчик. И встал тот кремль сначала в дереве, а к 1520 году в камне прямо на Муравском шляхе, по которому войска наши на Москву много веков ходили. Несколькo раз наши взять его пытались, только ни с чем ушли, мой хан.

Девлет Гирей (*появляется на последних словах лазутчика*). Все пытались. А я возьму. Сначала Тулу, а там и Москву! Пусть царь Иван знает хана Девлет Гирей!

Дозорный (*на башне*). Едут! Едут!

Дальнейшая история изображается пантомимой или мультимедийными средствами (в том числе с эффектом дополненной реальности).

Туляк 1. Утром 22 июня 1552 года стены Тулы окружили ханские воины.

Девлет Гирей. И полетели на город ядра, посыпались стрелы огненные!

Туляк 2. Пока мужчины отбивали врага от стен, жены тушили соломенные крыши башен и изб внутри крепости. Один за другим малый гарнизон Тулы отбил несколько штурмов.

Девлет Гирей. Уже в темноте мои янычары тараном пробили ворота кремля. Завхват Тулы отложили до утра. Никуда не денется!

Туляк 3. Всю ночь, пока мужья охраняли стены, жены и дети таскали к сломанным воротам камни да бревна, пока не завалили их совсем.

Девлет Гирей. И настало утро! Проклятые туляки!

Туляк 1. Разозленные янычары возобновили штурм с новой силой. Только на помощь тулякам уже неслась конница Ивана Грозного. Еле ушел Девлет Гирей от русской погони! И еще три года на Русь не совался.

Туляк 2. Шло время. Много осад пережил тульский кремль. И ни разу его ворота не открылись для неприятеля. Разве только в 1605 году, когда прибыл сюда чудом спасшийся царевич Дмитрий, сын покойного царя Ивана Грозного. Прибыл и объявил Тулу столицей России.

*Появляются Ерошка в образе Лжедмитрия
и Аннушка в образе Марины Мнишек.*

Лжедмитрий. Наконец этот день закончился. День... Сегодня день...

Марина. Сегодня великий день. Вы чем-то недовольны? Сколько городов русских присягнуло вам на верность. Говорят, в Туле собралось более ста тысяч человек разного звания и сословия.

Лжедмитрий. Да... Такое, пожалуй, и Москва не часто видела. Английский посол дар речи потерял, когда я Тулу столицей Руси объявил.

Марина. И Вы, наконец, объявили России о своем восшествии на престол.

Лжедмитрий. На днях жду бояр московских с печатью государственной, ключами от казны, скипетром и державою. Будут крест целовать на верность царю Дмитрию первому. Дурачье...

Марина. Почему дурачье?

Лжедмитрий. Поверили!

Марина. Во что?

Лжедмитрий. В чудесное воскрешение царевича Дмитрия. Я ведь даже старше.

Марина. Мне это нравится.

Лжедмитрий. Марина, так ты знала?

Марина. Марина Мнишек все знает с самого начала. И бояре в Москве знают.

Лжедмитрий. Тогда...

Марина. Нужен ты им. Пока. Так что будь осторожен.

Лжедмитрий. С такой царицей мне ничего не страшно!

Марина. Еще не царицей.

Лжедмитрий. Корону! Будешь первой коронованной царицей на Руси и... И...

Марина. И?..

Ерошка, все-таки забывший слова, целует Аннушку.

Степаных. Ах ты, беспорточник!

*Выскакивает на сцену, хватая Ерошку за шиворот
и отбрасывает в сторону.*

Туляк 3 (сочиняя на ходу). Вот так народ сверг самозванного царя...

Туляк 1 (подхватывая). Но это случилось позже.

Туляк 2. А тульский кремль еще многие годы верой и правдой служил отечеству.

Актеры кланяются.

Екатерина (*смеется*). Ну, молодцы! Угодил, Михайло, театром! Знал, чем порадовать!

Вельяминова. Михайло Никитич эполета наградного достоин.

Екатерина. Достоин. И лицедеи молодцы. Жалую каждому актеру по золотому. И по фунту хлеба. Выдать им сверх золотого по копейке на хлеб.

Рыкалов. Матушка, так это только на четверть фунта хватит.

Константинов. Хлеб нынче по 4 копейки. Неурожай.

Вельяминова. Ах ты, зараза! Значит лососиной до чертиков обжираться у него деньги есть, а 4 копейки на хлеб ему поперек горла встали!

Константинов (*к Екатерине*). Матушка, прости! С голоду мы!

Рыкалов. Бес попутал! Так живот сводило, что в каждом окне шмат сала мерещился. С голоду мы на обман пошли.

Екатерина. Какой еще обман? Теперь уж говорите.

Константинов. Одели в костюмерной золоченые камзолы и пошли в трактир...

Екатерина. Дальше.

Рыкалов. Там назвались приезжими дворянами из твоей свиты и ели... пока дурно не стало... А потом...

Екатерина. А потом?

Рыкалов. Потом... Туда-сюда... Сбежали!

Екатерина. Как звать?

Константинов. Трофим Константинов.

Рыкалов. Василий Рыкалов. С голоду мы...

Екатерина. Говоришь, с голоду? Поди сюда.

Кречетников. Бог с ними, матушка...

Екатерина. Я не тебя звала. Хочу тет-а-тет... преступника допросить.

Кречетников отворачивается, за ним отворачиваются все остальные, оставляя императрицу с преступником тет-а-тет.

Екатерина. Рыкалов, говоришь? Лицедействовать любишь?

Рыкалов. Люблю, матушка.

Екатерина. А как погоню тебя из театра?

Рыкалов. За что, матушка?

Екатерина. За то, что в жизни играть вздумал.

Рыкалов. Первый и единственный раз! Бес попутал! Пощади, матушка... Пропаду я без сцены... Как есть пропаду...

Екатерина. Говоришь, в каждом окне шмат сала мерещился...

Императрица хохочет, на ее смех присутствующие оборачиваются и тоже хохочут.

Екатерина. Что ж, повинную голову и меч не сечет. Если туляков провести смогли, которые саму меня провели, лицедеи вы изрядные. Рыкалова забираю в столицу. Там и мастерства наберешься, и хлеба вволю наешься.

Рыкалов. Помилуй, матушка, а друга моего? Актер он отменный. Да и тяжело одному на новом месте.

Екатерина. Обоих беру! (*Кречетникову*) Ну что, Михайло Никитич... Хорош заяц, да тумак; хорош малый, да туляк?

Кречетников. Матушка, прости! Не по злему умыслу... Управлял губернией по своему разумению...

Екатерина. Ты, Михайло Никитич, все в делах военных, в заводе оружейном. И твои успехи я видела. Но и кто здесь управлял, я вижу.

Вельяминова. Управлял. И еще как управлял. А снесли бы эту развалюху вовремя и вообще бы горя не знали.

Степаныч. Как же... Бога побойся. Без кремля никак нельзя. Сердце он наше.

Вельяминова. И мое что ль?

Степаныч. И твое. Всего города. С него Тула началась, им и продолжается.

Вельяминова. С него, может, и началась, да только песня его давно спета. Снести его да забыть.

Степаныч. Ты отца своего помнишь? Или из родительского дома выпрыгнула и из сердца вон?

Вельяминова. Ты отца со старыми кирпичами не равняй. Он жизнь мне дал!

Степаныч. Так и кремль Туле жизнь подарил. Не поставь здесь деды наши крепость для защиты от супостатов, не было бы Тулы.

Вельяминова. Как так не было?

Степаныч. А так. Поначалу в крепости лишь воины служили. Потом глядь - женами обзавелись, семьями. Где семьи, там дома. В каждом доме очаг горит, дите кричит, баба ворчит, а мужик молчит. Где дома — там не крепость уже, а город. А каждый город своим мастерством славен. Коли Тулу служилый люд обживал, так какому тут еще делу быть, как не оружейному. Тульские ружья шведа под Полтавой громили, турка при Очакове, поляка под Данцингом, пруссака в Берлине. А ты — снести! Кремль Тулу на ноги поставил, мастерство в руки дал, им Тула и поныне живет. Да кремль наш Москву от врага заслонил.

Вельяминова. Да когда то было. Нет больше тех набегов на Русь.

Степаныч. И слава Богу. Только помяните мое слово, Тула Москву от врага еще прикроет.

Внезапно кремлевская площадь оглашается механическим скрежетом.

Екатерина. Это что такое?

Степаныч. Ерошка, дурень! Куда влез? Казенную вещь вконец испортил! Не гневайся, матушка! По недомыслию он. Прости...

Часы на башне оживают и бьют мелодию.

Аннушка. Починил, батюшка! Починил!

Степаныч. Пошли... Сколько времени не работали... Молодец, беспорточник!

Аннушка. Ероша!

Екатерина. Дочь твоя?

Степаныч. Замуж за него собралась.

Екатерина. А ты что же?

Степаныч. А я условие поставил, чтоб сначала мастером стал.

Екатерина. Разве не мастер? Ни один тульский мастер к часам подступиться не посмел, все помощи заграничной ждали. А он их без всяких иноземцев починил. Да и лицедействовал мастерски. Может, в артисты пойдешь?

Ерошка. Благодарствую, государыня. Только с ружьями мне привычнее.

Екатерина. Быть по-твоему. Ружейные мастера всегда в цене. Ну что, отец, отдавай дочь за мастера.

Аннушка. Матушка, в театре играть хочу!

Екатерина. Вот и на театр желающие нашлись. А муж молодой позволит?

Ерошка. Так охота пуще неволи. Пусть идет.

Екатерина. Охота пуще неволи? Ха-ха-ха! Успехов новой актрисе. И всему театру тульскому процветания. Спектаклем своим и ум просветили, и душу потешили. Вот что, Михайло Никитич. Боевые твои подвиги во славу русского оружия помню. Рвение твое и прилежание ценю. То, что оружейный завод на новый уровень вывел, вижу. За то и кремль с хлебом прощаю. В других губерниях и того нет. (*Вельяминовой*) Ну а с эполетом, не обессудьте, украсить им второе плечо вашего губернатора пока не могу.

Кречетников. Эполет... Нынче театр стал эполетом для губернатора.

Екатерина. Достоинно сказано. Можно губернии и без кремля жить, да с ним достойнее. А можно и без театра, только жизнь с ним краше.

Явление последнее.

Актеры снимают маски.

Актер, исполнявший роль Кречетникова. Так закончилась первая попытка снести тульский кремль. Впрочем, так ли оно было или не совсем так, нам неизвестно. Только театр в Туле с губернатора Кречетникова начался.

Актриса, исполнявшая роль Екатерины. Екатерина все же наградила своего любимца. Спустя 4 года. За успехи в развитии оружейного дела. Ее правление до сих пор вспоминают как золотой век России, а саму ее — как Екатерину Великую.

Актер, исполнявший роль Степаньча. Мастер Степаньч еще долго трудился на заводе, покуда совсем не ослеп. Но к тому времени секреты оружейного мастерства он уже передал внукам.

Актер, исполнявший роль Ерошки. Ерошка стал знаменитым оружейником Ерофеем Пантелеймоновичем. Его ружья и пистолеты как произведения искусства по сей день хранятся в Эрмитаже.

Актриса, исполнявшая роль Аннушки. Аннушка же еще долго блистала на сцене. Тридцать пять лет спустя именно она помогала делать первые шаги на тульских подмостках тогда еще никому не известному актеру Михаилу Щепкину.

Актер, исполнявший роль Константинова. В столице Трофим Константинов прославился ролями трагических царей и благородных любовников. Затем уехал в провинцию и основал первую в России антрепризную труппу.

Актер, исполнявший роль Рыкалова. Василий Рыкалов стал первым комиком Петербурга и положил начало целой актерской династии. Его дочь Надежда имела шумный успех в пьесах Островского. Специально для нее написана роль Кабанихи в знаменитой «Грозе».

Актриса, исполнявшая роль Вельяминовой. Между прочим, из родни Натальи Вельяминовой все же вышел талант. Тот самый брат Вася, с двух лет зачисленный в гусарский полк, нам известен как русский поэт Василий Жуковский.

Актер, исполнявший роль Болотова. Андрей Тимофеевич Болотов прожил долгую жизнь, прославившись как ученый-энциклопедист, художник и литератор. О событиях тех дней мы знаем именно из его записок.

Актер, исполнявший роль Степаньча. Пять веков стоит на земле тульской кремль.

Актриса, исполнявшая роль Екатерины. Третий век на тульской сцене сменяются поколения актеров.

Актер, исполнявший роль Болотова. А связала их легенда о театре, ставшем эполетом для губернатора.

Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Две руки да две ноги,
Ноги в руки — и беги!
А о том, чтоб отдохнуть,
Даже думать не моги!
По полям да по лесам,
Из заморских разных стран
Гости много лет подряд
Едут к тульским мастерам!

Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Занавес.

